

О ВЛІЯНІИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ДРЕВНЕРУССКУЮ.

Въ нашей русской литературѣ нерѣдко можно встрѣтиться съ мнѣніемъ, которое полагаетъ, что древняя Русь жила и развивалась подѣ исключительнымъ вліяніемъ византійскаго образованія и литературы. Этому вліянію обыкновенно приписывается все хорошее и дурное въ древнерусской жизни, особенно же дурное. Таковы именно взгляды Пыпина, Щапова и т. п., взгляды совершенно неисторическіе и обидные для русскаго народа. Ими предполагается, что русскій народъ вовсе не имѣетъ задатковъ для самостоятельнаго развитія, пробавляется только чужимъ вліяніемъ и какъ будто совершенно поглощается имъ. Между тѣмъ всякій народъ, имѣющій свою исторію и будущность, усваиваетъ чужія вліянія настолько, насколько онѣ не противорѣчатъ самобытнымъ началамъ и могутъ уживаться съ ними. Эти начала лежатъ въ основѣ всякаго національнаго развитія и претворяютъ въ себя всѣ чуждыя, стороннія вліянія, къ нимъ приражающіяся. Слѣдовательно главная отвѣтственность за такое или иное направленіе народнаго развитія падаетъ не столько на чужеземныя вліянія, сколько на самый народъ, подвергающійся этимъ вліяніямъ и перерабатывающій ихъ такъ или иначе, сообразно своей природѣ. Такъ же нужно, по нашему мнѣнію, судить и о русскомъ народѣ. Если только онъ принадлежитъ къ числу народовъ культурныхъ, въ чемъ не позволяютъ сомнѣваться его прошлая судьба и настоящее

положеніе, то слѣдовательно не византійское вліяніе исключительно опредѣляло его направленіе въ древній періодъ русской исторіи, а наоборотъ само византійское вліяніе опредѣлялось и ограничивалось самобытными началами русской народности. Надѣмся, что это отчасти уже видно и изъ предшествующихъ нашихъ статей «о народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи», изъ коихъ нельзя не видѣть, что масса русскаго народа, особенно на первыхъ порахъ, усвоила себѣ христіанство съ тѣхъ сторонъ и въ тѣхъ именно пунктахъ, которые она находила сходными съ своими самобытными воззрѣніями.

Если же византійское просвѣщеніе и литература не имѣли рѣшительнаго подавляющаго вліянія на древнюю Русь и принимались настолько, насколько онѣ согласовались съ коренными, самобытными воззрѣніями русскаго народа; то нѣтъ никакого основанія думать, будто древняя Русь не воспринимала и другихъ вліяній родственныхъ народовъ, лишь бы имѣла только какія либо связи съ этими родственными народами. Въ настоящее время, кажется, нѣтъ нужды доказывать, что западно-европейскіе народы составляли нѣкогда одну родную семью, въ составъ которой входили и славянскія племена, и что всѣ эти народы имѣютъ значительное сходство въ своихъ воззрѣніяхъ, вѣрованіяхъ и преданіяхъ, сходство служащее однимъ изъ важнѣйшихъ условій къ взаимному общенію ихъ между собою: стоитъ только припомнить труды нашихъ отечественныхъ ученыхъ—Буслаева, Срезневскаго, Афанасьева, О. Миллера, Котляревскаго и другихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Гораздо важнѣ другой вопросъ, дѣйствительно ли древняя Русь имѣла довольно близкія сношенія и тѣсныя связи съ западною Европою для того, чтобы заимствоваться отъ нея литературными произведеніями, соответствующими вкусу и развитію русскаго народа, потому что обыкновенно полагаютъ, что древняя Русь не имѣла прямыхъ и близкихъ сношеній съ западомъ и не могла пользоваться плодами западной цивилизаціи и литера-

туры. Но и это мнѣніе основывается не на отсутствіи всякихъ сношеній древней Россіи съ западомъ, потому что эти сношенія несомнѣнно существовали и происходили то черезъ Новгородъ съ сѣверными европейскими государствами, то черезъ югъ Россіи, прилегавшій къ католической Польшѣ, то наконецъ черезъ Московское государство, которое со временъ Іоанна III вошло въ болѣе или менѣе прочныя и постоянныя связи съ западною Европою. Русскіе люди и сами иногда посѣщали западно-европейскія страны, а чаще видѣли иноземцевъ у себя дома,—и между ними не могло не происходить взаимнаго обмѣна понятій и литературныхъ произведеній. Мнѣніе о незначительности связей древней Россіи съ западною Европою, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ того, что доселѣ мало извѣстно литературныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ этихъ связяхъ; а это въ свою очередь зависитъ отъ того, что все, заимствованное съ запада, наши предки претворяли въ свою плоть и кровь, такъ что его трудно было отличить отъ роднаго или византійскаго. Здѣсь-то, можетъ быть, и кроется причина того, почему до сихъ поръ многіе изъ нашихъ ученыхъ не признаютъ значительнаго вліянія западной Европы на цивилизацію древней Россіи: это вліяніе получило уже слишкомъ національныя краски, напримѣръ въ Василиевомъ посланіи о земномъ раѣ, и слилось какъ съ родными вѣрованіями, такъ и памятниками византійскаго вліянія. Поэтому чтобы опредѣлить степень западнаго вліянія на древнюю Россію, необходимо пересмотрѣть многіе литературные памятники, которымъ приписывается чисто народное или византійское происхожденіе, и изслѣдовать, незамѣчаеся ли въ этихъ памятникахъ слѣдовъ западнаго вліянія. Мы и займемся пересмотромъ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ, присовокупивъ къ нимъ памятники, несомнѣнно западнаго происхожденія, чтобы такимъ образомъ полнѣе опредѣлить кругъ вліянія западно-европейской литературы на древнерусскую.

Сношенія древней Россіи съ западною Европою и литературныя связи съ нею имѣли двоякій характеръ—общій и частный: общій, обусловливавшійся единствомъ происхожденія и преданій у русскаго народа съ западно-европейскими, а впоследствии времени и единствомъ христіанской религіи, несмотря на различіе вѣроисповѣданій; частный, опредѣлявшійся какъ характеромъ и потребностями тѣхъ частей древней Россіи, которыя имѣли сношеніе съ государствами западной Европы, такъ и характеромъ этихъ послѣднихъ.

Литературное общеніе между древней Россіей и западною Европою, основанное на единствѣ происхожденія той и другой, происходило еще въ доисторическія времена и оставило слѣды свои на устной народной словесности. Академикъ Шифнеръ говоритъ, что были и другіе пути, «кромя завоеванія и ига, для перенесенія свѣтлыхъ произведеній восточнаго воображенія на западъ, я разумѣю пути торговые. По по такому то пути съ другой стороны нерѣдко переносились и съ запада на востокъ чрезъ Балтійское море и сѣверъ Россіи, особливо же посредствомъ торговли съ Біарміей и Новгородомъ, вмѣстѣ со всеми другими товарами, и произведенія творчества, такимъ образомъ проникавшія въ самую глубину Азіи; посредниками же могли тутъ быть въ обѣ стороны отважные и предприимчивые торговые люди Новгородскіе, вслѣдъ же за ними козаки съ ихъ чуткимъ и свѣжимъ, съ одной стороны воспріимчивымъ, съ другой—сообщительнымъ духомъ» ¹⁾. Другимъ немаловажнымъ пунктомъ для взаимныхъ сношеній Россіи съ западомъ была юго-западная Россія. Князья ея не рѣдко участвовали въ политическихъ событіяхъ западной Европы и попадали въ поэтическія произведенія западныхъ Славянъ, какъ напримѣръ Луцкій князь Властиславъ ²⁾, брали себѣ женъ съ

¹⁾ Илья Муромецъ и богатырство Кіевское, О. Миллера, 1870 г. стр. 19.

²⁾ Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, 1865 года, стр. 253.

запада, какъ на примѣръ св. Владиміръ, и не запрещали иноземцамъ проживать въ русскихъ владѣніяхъ. Епископъ Дитмаръ Мерзебургскій, умершій около 1020 года, замѣчаетъ, что въ его время много было Датчанъ въ Кіевской области ¹⁾. А такіа сношенія южной Россіи съ западною Европою не могли не содѣйствовать и литературному обмѣну ихъ между собою. Бывали случаи, что извѣстная личность западнаго происхожденія, являясь въ Россіи, поражала собою народное воображеніе и становилась предметомъ народнаго русскаго эпоса. Такова именно была личность одного изъ героев нашего народнаго эпоса Добрыни Никитича, подъ которымъ, по всей вѣроятности, скрывается какое нибудь иностранное имя. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1004 годомъ говорится: «тогожъ лѣта Андриха Добрянкова храбраго отравою окормиша свои его слуги». А имя Андрихъ западное. Такъ произносили русскіе слово Генрихъ. Современникомъ Владиміра на чешскомъ престолѣ былъ Удаляркъ. Чехи произносили это германское имя Ольдрихъ; русскіе и этого князя называли Андрихъ. Этого иностранца Андриха Добрянковича, упоминаемаго въ Никоновской лѣтописи, г. Квашнинъ-Самаринъ отождествляетъ съ эпическимъ Добрыней Никитичемъ. Весьма возможно, говоритъ онъ, особенно если принять въ расчетъ княжеское происхожденіе Добрыни и родство его съ Владиміромъ, что онъ или его отецъ были знатные чехи, переселившіеся въ Россію съ которою нибудь изъ двухъ Чехинъ, женъ Владиміра. Можетъ быть, это западное происхожденіе и служить объясненіемъ того утонченнаго *въжества*, которымъ Добрыня, по словамъ былинь, отличался предъ всѣми другими богатырями ²⁾. Но чаще самыя литературныя произведенія западной Европы переходили въ Россію. Въ нѣкоторыхъ были-

¹⁾ Истор. обозрѣн. торгов. снош. Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ, Славянскаго, 1847 г., стр. 15.

²⁾ «Бесѣда», за 1871 годъ, кн. V, стр. 229—230: «Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи», Квашнина—Самарина.

нахъ наши калики называются пилигримищами, именемъ, конечно, не русскимъ (peregrino, peligrim, pilgrim, pilger, потому что они peregrinabant—peregrini). Г. Срезневскій доказываетъ, что и у нашихъ каликъ было все тоже, что у западныхъ пилигримовъ. Особенно остроумно и убѣдительно объясняетъ онъ, по мнѣнію г. Миллера, тотъ колоколь, который, по нѣкоторымъ былинамъ, носятъ на головѣ наши пилигримища; это не что иное, какъ древне-чешское klakol и klakolca, соответственное англійскому клоакъ, французскому klosche, въ латинскомъ же выговорѣ у тѣхъ и другихъ sloca въ смыслѣ капы, капишона у плаща. «Не очень важно оно, замѣчаетъ г. Срезневскій, какъ названіе особеннаго рода одежды, но важно по искаженному употребленію въ пересказахъ былинъ, какъ свидѣтельство о древности первообраза былины. На западѣ оно, какъ названіе одежды, было употребляемо только въ средніе вѣка. Тогда же только могло зайти и къ намъ, тогда же только зайти и въ былину» ¹⁾. Такого же западнаго происхожденія и старинныя наши преданія о дивныхъ народахъ или песоголовцахъ, *заклепанныхъ* Александромъ Великимъ. На западѣ Европы эти преданія первоначально прилагались къ Гуннамъ, которыми предводительствовалъ Угорскій или Венгерскій король Аттила. Самое уже названіе гунновъ, происходящее отъ hund—собака, показываетъ, что песоголовцы или дивніи люди отождествлялись съ Гуннами, нарицательнымъ именемъ народа, въ составъ коего входили и Славяне. Въ средніе вѣка одинъ нѣмецкій князь отказалъ славянскому князю въ рукѣ своей дочери на томъ основаніи, что послѣдній происходилъ изъ народа, называемаго собаками ²⁾. Поэтому и Буслаевъ не безъ основанія пред-

¹⁾ «О крутѣ Каличьей», Срезневскаго, въ Извѣстіяхъ археологическаго общества, т. IV. См. Илья Муромецъ и богатство Кіевское, О. Миллера, стр. 732. Тамъ же и о соображеніяхъ Котляревскаго по этому предмету.

²⁾ См. въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1870 г. извѣстіе о публичныхъ лекціяхъ г. Костомарова.

полагаетъ, что представленіе о песоголовцахъ явилось у насъ подъ вліяніемъ запада. «Можетъ быть, говоритъ онъ о картинѣ страшнаго суда, изображающей песоголовцевъ, нельзя здѣсь отказать въ участіи и средневѣковымъ сказаніямъ объ Александрѣ Македонскомъ, которыя были такъ распространены въ нашей древней письменности» ¹⁾. Перешедши въ Россію, эти преданія приурочены были къ инородцамъ, обитавшимъ внутри Россіи: вмѣсто западныхъ угровъ или венгровъ явилась сѣверная Югра. Еще въ XI в., какъ значится въ лѣтописи Нестора подъ 1096 годомъ, было на Руси преданье, что въ горахъ около Югры заключены какіе-то народы, и что «се суть людье, заключеніи Александромъ Македонскимъ, якоже сказаеть о нихъ Меѳодій Патарійскій» ²⁾.

Въ свою очередь и русскія поэтическія произведенія не оставались вовсе неизвѣстными для запада и заносились даже въ западныя сказанія. Въ примѣръ заимствованій западомъ русскихъ сказаній укажемъ на эпическія сказанія объ Ильѣ Муромцѣ. Г. Майковъ замѣтилъ, что въ Тидрекъ-Сагѣ, которая сложилась въ XIII в. изъ пѣсенъ еще болѣе древнихъ, упоминается король Русскій Володемаръ и братъ его Илья греческій (конечно. по вѣрѣ) или русскій, въ формѣ *Ilias von Ruizen*, т. е. въ формѣ именно взятой прямо съ славянскаго, тогда какъ по-германски, какъ замѣтилъ Мюлленгофъ, было бы *Elias* ³⁾.

Переходя изъ области устной народной словесности къ литературѣ письменной, мы и здѣсь видимъ слѣды западнаго вліянія на русскую литературу. «Сличеніе древнѣйшихъ памятниковъ нашей литературы съ памятниками поэзіи скандинавской пока-

¹⁾ Историч. очерки русской словесности и искусства, Буслаева, т. II, стр. 147.

²⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп. I, 100, 107, 189.

³⁾ Илья Муромецъ и богатырство кievское, О. Миллера, 1870 г., стр. 810. См. О былинахъ Владимірова цикла, Майкова, стр. 30—31.

зываетъ, что языческій періодъ нашей исторіи носитъ на себѣ печать норманскаго вліянія. Одинъ и тотъ же духъ отваги и геройства служитъ основою подвиговъ витязей, описываемыхъ Несторомъ и исландскими лѣтописцами. Въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей литературы есть мѣста, разительно сходныя съ извѣстіями сѣверныхъ историковъ и поэтовъ. Сказаніе Нестора о смерти Олега и рассказъ одной исландской саги о кончинѣ Конунга Орварда—Одда, повѣсть о сожженіи древлянскихъ пословъ въ банѣ по приказанію Ольги и преданіе о подобномъ же поступкѣ одной норвежской королевы, безъ сомнѣнія возникли изъ одного источника. Эймундова сага и княженіе Ярославъ въ Несторовой лѣтописи составляютъ одну и ту же историческую повѣсть». Такъ напр. въ исландской сагѣ Торфея сохранилась слѣдующая басня о смерти Орварда—Одда. Лѣтописецъ рассказываетъ, что вѣщуны предсказала Конунгу смерть отъ его любимого коня Факса. Конь околѣлъ, и рыцарь, смотря на кости его, думалъ, что опасность миновала. Вдругъ изъ гніющего черепа Факса выползла ехидна (lacerta) и смертельно ужалила въ пяту конунга ¹⁾. Очень сходное съ этимъ передается въ лѣтописи Нестора о смерти Олега отъ его любимого коня. Далѣе по рассказу Нестора, Ольга велитъ однихъ пословъ древлянскихъ бросить въ яму, другихъ сожечь въ банѣ; точно также и скандинавскій герой Стиръ освобождаетъ себя отъ опасныхъ служителей, сжигая ихъ въ банѣ. Эта баня—вмѣстѣ и яма: такимъ образомъ, что въ преданіи объ Ольгѣ совершается въ два приѣма, то въ скандинавскомъ сказаніи соединено вмѣстѣ. Какъ о Святославѣ рассказывали, что онъ, потопку изрѣзавъ конину, звѣрину или говядину, самъ пекъ на угляхъ и ѣлъ; такъ и знаменитый Волундръ или Виландъ, по преданію въ древней Эддѣ, воротившись съ

¹⁾ Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова, изд. 2, 1858 г., стр. 9 и 225.

охоты, пекъ на огнѣ медвѣжье мясо. Преданіе о Лютѣ Свенельдичѣ, котораго убилъ на охотѣ Олегъ, будетъ ли то дѣйствительное событіе, или сказка, совершенно въ духѣ скандинавской поэзіи. По знаменитой сагѣ о Зигурдѣ и его предкахъ, прародитель этого героя, сынъ Одина, по имени Зиги, на охотѣ убилъ слугителя Бреди, принадлежавшаго столь же славному герою, по имени Скади; почему и долженъ былъ, изъ опасенія мести, бѣжать изъ родительскаго дому ¹⁾. Но еще любопытнѣе сказаніе о Святополкѣ *окаянномъ*. Жизнь и смерть Святополка составляютъ важнѣйшую часть Эйдмундовой саги, собранной въ XIII в. изъ древнихъ исландскихъ преданій,—и сравненіе этой саги съ сказаніемъ Нестора послужить доказательствомъ скандинавскаго источника нашей древней поэзіи. Въ сагѣ рассказывается эта повѣсть такимъ образомъ. Конунгъ Бурислейфъ (такъ именуется въ сагѣ Святополкъ) потребовалъ отъ конунга Ярислейфа уступки нѣсколькихъ деревень и торговищъ,—и тотъ, не желая отдать ихъ, началъ съ нимъ войну. Непріятели встрѣтились, и норманны, служившіе въ войскѣ Ярислейфа, зайдя въ тылъ враговъ, обратили ихъ въ бѣгство. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ сраженій, предводитель нормановъ Эймундъ проникаетъ въ станъ Бурислейфа, переодѣтый нищимъ, и, пробравшись въ палатку конунга, умерщвляетъ его. Несторъ описываетъ эти событія иначе. Святополкъ, рѣшившись, по смерти Владимира, овладѣть престоломъ и распространить свои владѣнія, посылаетъ умертвить братьевъ, и трое изъ нихъ падаютъ подъ ножами убійцъ. Но судьба посылаетъ ему мстителя въ лицѣ четвертаго брата Ярослава новгородскаго. Оба войска сходятся на берегахъ Днѣпра, и храбрость новгородцевъ рѣшаетъ судьбу сраженія. Послѣ различныхъ перемѣнъ счастья, враги встрѣчаются

¹⁾ Историч. очерки русской словесности и искусства, Буслаева, т. II, стр. 78—80.

на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ умерщвленъ одинъ изъ братьевъ Святополка. Ярославъ всходитъ на могилу и, принеся молитву къ небу о ниспосланіи мщенія на главу Каина, приказываетъ начать сраженіе. Битва открывается съ неслышаннымъ ожесточеніемъ, но когда ангелы небесные являются на помощь мстителю, Святополкъ обращается въ бѣгство. Наказаніе Божіе преслѣдуетъ братоубійцу: «бѣжашу ему, нападе на него бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сидѣти, и несяхуть его на носилѣхъ». Гонимый подобно Каину проклятіемъ, преслѣдуемый привидѣніями, Святополкъ бѣжитъ изъ одной страны въ другую и, не находя нигдѣ покоя, погибаетъ наконецъ въ отдаленной пустынѣ. «Есть же, — прибавляетъ лѣтописецъ, — могила его въ пустыни и до сего дни, исходитъ же отъ нея смядъ золь» ¹⁾.

Духъ, занесенный къ намъ норманами, не скоро могъ истребиться. Народъ долго не могъ забыть тѣхъ подвиговъ, которые совершалъ онъ при своихъ воинственныхъ князьяхъ. Это доказываетъ какъ Несторъ, у котораго даже въ сухой лѣтописи встрѣчаются мѣста поэтическія, такъ особенно древнее стихотвореніе, извѣстное подъ названіемъ «Слова о полку Игоревѣ». Это стихотвореніе составляетъ самый замѣчательный поэтический памятникъ древней Руси. Слабымъ подражаніемъ ему служить сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, составленное въ исходѣ XIV в. Изъ многихъ мѣстъ этого сочиненія видно, что авторъ его зналъ слово о полку Игоревѣ и часто подражалъ ему. Скандинавское вліяніе, по мнѣнію г. Милюкова, отразилось еще далѣе. Слѣды того героическаго, скандинавскаго вѣка, который отразился въ сказаніяхъ Нестора и отчасти въ словѣ о полку Игоревѣ, видны и въ пирахъ князя Владиміра. Нѣкоторые лица ясно показы-

¹⁾ Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова, изд. 1858 г., стр. 12—13. О вліяніи скандинавскомъ св. Срезневскаго въ запискахъ Акад. Наукъ, II, Прилож. 4, стр. 21—31; о преподаваніи русской словесности, Стоюнипа.

ваютъ, что тѣже древнѣйшія преданія, которыя послужили основою сказаніямъ лѣтописца о Рогнѣдахъ и Олегахъ, имѣли вліяніе и на пѣсни о князѣ Владимірѣ. Въ нихъ женщина является иногда героинею, достойною подругою богатырей: такъ жена Дуная на пиршествѣ сбиваетъ стрѣлою кольцо съ головы мужа; супруга боярина Ставра, заключеннаго въ оковы по приказанію князя, пріѣзжаетъ въ Кіевъ переодѣтою въ мужское платье и, побѣдивъ въ стрѣльбѣ богатырей Владиміра, освобождаетъ мужа. Самый Ставръ, играющій на гусяхъ во время пировъ и величающій въ пѣсняхъ своихъ князя и княгиню, есть лицо чисто скандинавское ¹⁾.

Съ принятіемъ въ Россіи православія и воздѣйствіемъ на нее Византіи, явились, по видимому, неблагопріятныя для сношеній съ Европой обстоятельства, вызванныя раздѣленіемъ церквей Восточной и Западной. И дѣйствительно, въ теченіи всего древняго періода русской исторіи мы видимъ слѣды враждебныхъ отношеній западно-европейцевъ къ Россіи и русскихъ—къ западной Европѣ, отношеній, проистекавшихъ изъ различія въ вѣроисповѣданіи. Такъ напр. во время малолѣтства шведскаго короля Магнуса Ерихсона собрана была въ Швеціи десятина для крестоваго похода на русскихъ *язычниковъ*, какъ величались они въ папскихъ буллахъ. Въ 1348 году Магнусъ предпринялъ этотъ походъ. Послы его явились въ Новгородъ и объявили вѣчу отъ имени короля: «пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пришлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ; хочу я узнать, какая вѣра будетъ лучше: если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру; если же наша вѣра, то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ все какъ одинъ человекъ; если же не хотите соединиться съ нами, то иду на васъ со всею моею силою.» Вла-

¹⁾ Очеркъ исторіи русской поэзіи, Милукова, 1838 г., стр. 14—17, 39—40.

дыка Василій, посадникъ Ѳеодоръ Даниловичъ, тысяцкій Авраамъ предложили ему послать за этимъ въ Цареградъ къ патріарху, а въ случаѣ обиды со стороны новгородцевъ предложили ему съѣздъ. Но Магнусъ отвѣчалъ посламъ: «обиды мнѣ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете, такъ иду на васъ со всею моею силою», и, отпустивши пословъ съ этимъ отвѣтомъ, осадилъ Орѣшекъ, сталъ крестить ижорянъ въ свою вѣру, а которые не захотѣли креститься, на тѣхъ рать пустилъ, всѣмъ попавшимся въ его руки русскимъ велѣлъ стричь бороды и потомъ перекрещивать ихъ въ латинство ¹⁾. Такъ-же враждебно относились къ русскимъ ливонскіе рыцари и поляки. Известно, въ какихъ отношеніяхъ къ русскимъ находились поляки; объ отношеніяхъ же ливонцевъ свидѣтельствуетъ житіе священномученика Исидора. Исидоръ былъ священникомъ при церкви св. Николая и св. Георгія Каппадокійскаго въ Юрьевѣ въ русскомъ концѣ, возбудилъ противъ себя нѣмцевъ обличеніями ихъ вѣры, былъ схваченъ съ своими прихожанами во время крестнаго хода на р. Омовжу въ день Богоявленія, заключенъ въ темницу, на увѣщанія принять латинство отвѣчалъ сильнѣйшими обличеніями и утопленъ въ той же рѣкѣ Омовжѣ вмѣстѣ съ 72 русскими ²⁾.

Съ своей стороны и русскіе не могли питать сочувствія къ западу. Къ чести ихъ нужно замѣтить только то, что они не дѣлали религіозныхъ походовъ на западъ, какъ дѣлали ихъ европейцы на Россію, и ограничивались только оборонительнымъ положеніемъ. Тоже оборонительное положеніе по отношенію къ западу видно и въ древнерусской литературѣ, которая большею частію предостерегала русскихъ отъ иновѣрнаго вліянія и въ рѣдкихъ случаяхъ заявляла притязаніе на обращеніе иновѣрцевъ

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. III, стр. 310.

²⁾ Тамъ-же, т. VII, стр. 237; см. о русскихъ святыхъ, Филарета; — рукош. Кіев. Акад., № 0. 'а. 32.

къ православію: оборонительное положеніе она принимала по отношенію къ католичеству, а наступательное—по отношенію къ лютеранству.

Самымъ первымъ въ Россіи сочиненіемъ противъ латинянъ было посланіе митрополита Леонтія объ опрѣсновахъ (+ 1007 г.). Леонтій сначала подробно разбираетъ въ немъ ученіе латинянъ объ опрѣсновахъ, а потомъ говоритъ и противъ другихъ уклоненій латинской церкви: противъ поста въ субботу, ежедневнаго совершенія литургіи въ великій постъ, безженства священниковъ, употребленія въ пищу удавленины и, наконецъ, противъ ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Другое посланіе, принадлежащее митрополиту Георгію, подъ заглавіемъ «Состязаніе съ латиною», было написано, вѣроятно, вслѣдствіе покушенія папы Григорія VII распространить свою власть въ русской церкви. Въ немъ также указываются разныя заблужденія латинянъ: служеніе литургіи на опрѣсновахъ, совершеніе службы не въ олтарѣ, а во всей церкви и въ одинъ и тотъ-же день не однажды, а три, четыре и пять разъ, прибавленіе въ символъ вѣры слова—«и отъ Сына», безженство священниковъ. Посланіе митрополита Іоанна III, написанное къ папѣ Клименту III, сравнительно съ первыми посланіями отличается духомъ особенной кротости. Указывая на заблужденія латинской церкви, Іоаннъ кротко упрекаетъ ее преимущественно въ томъ, что она измѣнила символъ вѣры, утвержденный соборами, сдѣлавши въ немъ новое прибавленіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына».

Въ числѣ сочиненій преподобнаго Θεодосія находится посланіе къ в. кн. Изяславу о варяжской (латинской) вѣрѣ». Поводомъ къ нему было желаніе Изяслава узнать отличіе или разности латинской вѣры отъ православной. Указывая эти разности, Θεодосій говоритъ: «латиняне въ Савеліеву вѣру и ересь впади, служатъ на опрѣсновахъ, прощаютъ грѣхи за дары, не помазы-

ваютъ крещаемыхъ масломъ и муромъ, по кладутъ имъ соль въ уста, называютъ ихъ не именами святыхъ, а по волѣ родителей. На ряду съ разностями въ вѣрѣ указываются и разности въ обычаяхъ. «Латиняне не право вѣруютъ и нечисто живутъ: ѣдятъ конину, удушенну и мертвечину, медвѣдину и бобровину; по-стятся въ субботу; кладутъ мертвецовъ ногами на западъ, а головою на востокъ; женятся на сестрахъ; священники ихъ и епископы не вступаютъ въ законный бракъ, а живутъ въ незаконныхъ связяхъ; епископы носятъ перстни, ходятъ на войну» и проч. Указывая разности въ вѣрѣ и обычаяхъ латинянъ, Θεодосій излагаетъ въ тоже время и правила, какъ должно православнымъ вести себя по отношенію къ нимъ, а равно и къ другимъ иновѣрнымъ. Полагая, что спасеніе невозможно ни въ какой другой вѣрѣ, кромѣ православной, онъ вообще запрещаетъ хвалить чужую вѣру. «Если кто хвалитъ чужую вѣру,—говоритъ онъ,—тотъ является двоевѣрцемъ и близокъ къ ереси... Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру Богъ далъ, ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ?» Съ латинянами Θεодосій не велитъ православнымъ входить ни въ какія сношенія ни по дѣламъ вѣры, напр. въ приобщеніи св. таинъ, ни по дѣламъ семейнымъ и житейскимъ, напр. вступать въ брачныя связи, побратимство, кумовство, и простираетъ свою строгость даже до того, что запрещаетъ есть и пить съ ними изъ однихъ сосудовъ. «Если кто у васъ попроситъ, Бога ради, ѣсть и пить, дайте, но въ особыхъ сосудахъ, а если не будетъ особаго сосуда, въ своемъ дайте, только послѣ его должно вымыть и освятить». Тонъ посланія вообще очень строгъ и рѣзокъ, но совершенно понятенъ при тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились другъ къ другу вообще латиняне и православные въ это время, вскорѣ послѣ раздѣленія церквей, и при тѣхъ усиліяхъ, съ какими латиняне старались распространить свое ученіе между русскими христіанами: «ты же чадо,—говоритъ Θεодосій Изяславу,—блюди кривовѣрныхъ и

всѣхъ ихъ дѣлъ, потому что и наша земля наполнилась людьми этой вѣры» ¹⁾).

Въ такомъ-же духѣ написаны митрополитомъ Никифоромъ три посланія противъ латинянъ, по всей вѣроятности вызванныя не прекращавшимися стараніями католиковъ обращать нашихъ предковъ въ свою вѣру. А что эти старанія были не безъ успѣха, видно изъ слѣдующаго правила Нифонта новгородскаго: «тѣхъ, которые носили дѣтей своихъ на молитву къ попу варяжскому, подвергать шестинедѣльной эпитиміи».

Одно посланіе митрополита Никифора противъ латинянъ написано имъ къ Владиміру Мономаху, который спрашивалъ Никифора о причинахъ отверженія латинянъ православною церковію, тому самому Мономаху, который въ поученіи своемъ совѣтовалъ чтить гостя, «откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ и кто бы онъ ни былъ, простъ, или добръ, или посолъ; ибо они потомъ, идя во свояси, прославляютъ челоуѣка по всѣмъ землямъ». Въ посланіи Никифора къ Мономаху указано 20 винъ отверженія латинянъ. Сверхъ обычныхъ упрековъ католикамъ дѣлается новый и совершенно законный упрекъ въ томъ, что они утверждаютъ, будто бы только на трехъ языкахъ можно славить Бога. Въ другомъ посланіи Никифора имя князя не указано; но на томъ основаніи, что въ началѣ его Никифоръ, обращаясь къ князю, говорить. «въ судахъ у тебя (т. е. въ твоёмъ владѣніи) есть земля лядская (польская) и живущіе въ ней служатъ на оплаткахъ», преосвященный Макарій предполагаетъ, что оно писано къ Волинскому князю, подъ властію котораго жили и поляки. Посланіе написано съ цѣлію предохранить православныхъ отъ латинянъ; въ немъ Никифоръ особливо распространяется объ опрѣснокѣхъ. Третье посланіе Никифора составляетъ только повтореніе

¹⁾ Исторія русск. словесности, Порфиріева, 1876 г., I, 272—273, 277—278.

этого второго посланія; оно написано къ Муромскому князю Ярославу Святославичу ¹⁾).

Слѣдствіемъ этихъ впушеній пастырей русской церкви было совершенное отчужденіе нашихъ предковъ отъ латинянъ не только въ дѣлахъ вѣры, но и въ дѣлахъ житейскихъ. Извѣстна исторія, случившаяся съ митрополитомъ Исидоромъ, принявшимъ Флорентинскую унію. Филиппъ, бывшій митрополитомъ 1464—1474 г., противился намѣреніямъ папы воспользоваться бракомъ Іоанна III съ Софіею Палеологъ для соединенія церквей. Когда папскій легатъ просилъ торжественнаго въѣзда въ Москву, Филиппъ сказалъ Іоанну совершенно въ духѣ посланія препод. Θεодосія: «Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣзжать близко; если же ты позволишь ему сдѣлать это, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въѣдетъ въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города, неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался». Послѣ брака кардиналъ приступилъ къ дѣлу о соединеніи церквей; но скоро онъ испугался, говорить лѣтописецъ,—потому что митрополитъ выставилъ противъ него на споръ книжника Никиту Поповича: иное, спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, о другомъ заставлялъ спорить Никиту. Кардиналъ не нашелся, что отвѣчать, и кончилъ споръ, сказавши: «нѣтъ книгъ со мною» ²⁾. Когда митрополитъ Фотій увѣщевалъ Псковичей, чтобы они удалялись отъ неправедныхъ предѣловъ, отмечающихся Божіа закона и святыхъ правилъ, съ радушіемъ принимали православныхъ, которые вслѣдствіе религіознаго гоненія будутъ искать убѣжища въ ихъ городѣ, не употребляли при крещеніи мѣра латинскаго, но только цареградское, и не обливали младенцевъ, по обычаю латинскому,

¹⁾ Тамъ же, 292; см. Опытъ Историч. обозр. русской словесности, О. Миллера, 1866 г., 1, 282, 291—292.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 77—80.

а погружали; то Псковичи до того простерли свою ревность по вѣрѣ, что обратились къ митрополиту за разрѣшеніемъ недоумѣнія ихъ, пользоваться ли имъ хлѣбомъ, виномъ и овощами, приходящими изъ нѣмецкой земли. Митрополитъ разрѣшилъ пользоваться, предварительно очистивъ эти предметы молитвою іерейскою ¹⁾. Стоглавый соборъ, запрещая брадобритіе, говоритъ: «таковая бо нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія, греческаго царя Константина Ковалина» ²⁾. Когда въ 1581 году ожидали въ Москвѣ папскаго посланника Антонія Поссевина, имѣвшаго ѣхать черезъ Смоленскъ; то Московскій митрополитъ Діонисій писалъ о немъ къ Смоленскому епископу Сильвестру слѣдующее: «писалъ, сыну, государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи ко мнѣ богомольцу своему августа въ первый день, что писалъ государь къ цесарю и къ папѣ для своего государства дѣла сына боярскаго Истома Шевригина, и Истома къ государю отъ папы пріѣхалъ. Сказывалъ, что отпустилъ папа къ государю посланника своего Петра Антонья Язувита, а ити ему ко государю черезъ Литовскую землю на Смоленскъ. И какъ, сыну, папинъ посланникъ приедетъ въ Смоленскъ, а похочетъ быти у тебя и у Пречистой въ соборѣ и по инымъ церквамъ по монастыремъ, и намъ бы тебѣ указъ учинити, какъ тебѣ папина посланника принять и въ церковь его и по монастыремъ пускати-ль, или не пускати, а о томъ бы намъ поговорити соборнѣ, пригоже ли папину посланнику у тебя уладыки быти. И мы, сыну, съ государевыми съ богомольцы со владыкою и со архимандриты и со игумены о томъ поговорили соборнѣ, и возря въ священная правила, а въ правилѣхъ, сыну, святыхъ отецъ помѣсного собора иже въ Лаодикии Фругистей въ

¹⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 306 и 309.

²⁾ Историч. очерки русской словесности и искусства Буслаева, т. II, стр. 234.

6-й главѣ пишетъ, яко не даяти еретикомъ входить въ домъ Божій, пребывающимъ въ ереси»... Прилагая это и другія подобныя правила къ латинянамъ, митрополитъ Діонисій заключаетъ: «и будетъ, сыну, папинъ посланникъ похочеть у тебя въ соборнѣй церкви у Пречистые быти и нашіе святыя православныя христіанскіе вѣры греческаго закона и чину и уставовъ церковныхъ посмотрить, и ты бѣ, сыну, о томъ велѣлъ говорить, что папину посланнику у тебя и въ соборнѣй церкви до государева указу быти невмѣсно, потому занеже у государя городъ украиной, а будутъ съ нимъ люди иныхъ земель, которые они вѣры—и того невѣдома. А какъ дастъ Богъ будетъ папинъ посланникъ у государя царя нашего и великаго князя и поѣдетъ отъ государя назадъ, и государь царь и великій князь о всемъ о томъ велитъ тебѣ, сыну, тогда указъ учинити» ¹⁾. Поссевинъ прибылъ въ Москву, но Іоаннъ Грозный уклонялся отъ состязаній съ нимъ о вѣрѣ. какъ потому, что опасался оказаться несостоятельнымъ передъ ученымъ іезуитомъ, такъ и потому, что опасался, говоря противъ католицизма, оскорбить главу католическаго міра. Но народъ откровенно высказалъ свое мнѣніе о Поссевинѣ и общеніе съ нимъ считалъ самою дурною рекомендаціею. Есть извѣстіе о соборѣ по поводу ереси Давида, архіепископа Ростовскаго, въ 1582 году. Этотъ Давидъ выставленъ соумышленникомъ Антонія Поссевина, который самъ приводится на соборѣ, излагаетъ странное ученіе, совершенно сходное съ ученіемъ Давида и опровергается царемъ Іоанномъ ²⁾.

Нѣсколько иныя отношенія были къ протестантамъ. Въ нихъ видѣли наши предки людей, наравнѣ съ православными вооружавшихся противъ Рима, поѣтому предполагали найти у нихъ общіе инте-

¹⁾ Рукоп. Киевской Академіи О. л. 47.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. VII, стр. 122 и 204.

ресы съ православными и иногда старались привлечь ихъ въ лоно православной церкви. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ на югѣ Россіи православные вельможи пользовались иногда трудами протестантовъ для борьбы съ католиками. Въ самой Москвѣ смотрѣли на протестантовъ какъ на людей, болѣе близкихъ къ православію, чѣмъ католики, и старались расположить ихъ къ принятію православія. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ прибылъ въ Россію датскій королевичъ Вольдемаръ, искавшій руки царской дочери Ирины Михайловны; но отъ него потребовали принять православіе, подвергнуться повторительному крещенію, и долгое время задерживали его въ Москвѣ, вопреки его желанію. 21 апрѣля 1644 г. патріархъ Іосифъ, по порученію царя Михаила Ѳеодоровича, увѣщевалъ королевича Вольдемара «его царского величества послушати и воли его ко благочестію во исполненіе повинутися, да будеши въ православной Христовѣ вѣрѣ святыя восточныя церкви греческаго православія и закона, соединенъ купно съ нами. Изначала знаемъ васъ, что вы именуется христіане, но не во всемъ вѣру Христову держите прямо и во многихъ статяхъ раздѣляетея отъ насъ. Отъ спасительнаго воплощенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа были римляне и самъ папа во единой вѣрѣ съ греками безъ мала не пять сотъ лѣтъ и на всѣхъ вселенскихъ семи соборѣхъ всѣ папежи римстїи едино со греками преданіе вѣрѣ отъ самѣхъ св. Апостолъ символъ прїемша написали, тако же и правила многіе о церковныхъ чинѣхъ и объ утвержденіи вѣрѣ церкви предали и укрѣпили едину вѣру и едино крещеніе и едино приношеніе святыхъ таинъ приносить, тѣло и кровь Христову, еже есть квасный хлѣбъ, а не прѣснокъ, и вино и воду. О томъ въ нашихъ книгахъ зъ греческихъ книгъ предложеныхъ писма много есть, якоже прїяхомъ таково преданіе отъ св. Апостолъ и отъ Апостольскихъ намѣстникъ. И потомъ папа римскій и которые страны христіанскіе къ риму прилежащіе во Италїи Лагварни (Ломгобарды) и Друзи и

Германе, еже и Нѣмцы наричеми, нарушили во исповѣданіи православныя вѣры еже о святѣмъ душѣ, приложили исхожденіе св. Духу и отъ Сына и потомъ вмѣсто квасного хлѣба опрѣсноки начаша въ божественнѣй службѣ дѣйствовать и причащати, обоглающе св. апостола Петра и св. Отецъ, будто отъ нихъ приняли таково преданіе о опрсноцехъ, такоже і образѣхъ святыхъ древнее преданіе, еже поклонятися имъ и почитати, все то отринули і иная многая преданія св. отецъ, еже о церковныхъ чинѣхъ и о крещеніи и о поповскомъ поставленіи і о иныхъ св. церковныхъ тайнахъ всего нарушили и не по чину дѣйствуютъ. По пришествіи же отъ спасительнаго воплощенія Сына Божія лѣтъ 1571 нѣкто явился ученикъ въ вашихъ нѣмецкихъ странахъ Мартинъ Люторъ и Калвинъ і инии учителя, и тіи смутили царей и королей своимъ ложнымъ ученіемъ и много противъ евангелія писали, и вселенскія соборы и преданіе и посты отринули и самого римскаго папу и съ его кафолицкою вѣрою ни во что поставили. А Греки и Русь такожде римскаго папу и съ его къ Риму прилежащими странами для ихъ отступленія отъ вселенскихъ патріархъ отринули же отъ соборныя церкви, а назвали соборную кафолицкую церковь едину восточную, которая седми вселенскими соборы утвержденую вѣру держитъ во всемъ пенарушно цѣлу и невредиму соблюдаетъ и доднесь, по пророческому Исаіу словеси: отъ Сіона изыде законъ и слово Господне отъ Іерусалима, а не отъ Рима, ниже отъ Нѣмецкихъ странъ учителей. И тѣхъ ради многихъ расколовъ въ вѣрѣ исповѣдаемъ и крещеніе во едину святую соборную и апостольскую церковь, во оставленіе грѣховъ, и аще едино крещеніе, то уже римляне и Германе соблазнилися, некрестящися прямымъ крещеніемъ, якоже изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седми соборы въ три погруженія, еже и донынѣ у грековъ и у насъ Руси невредимо соблюдаемо есть». Въ заключеніе патріархъ убѣждаетъ королевича Вольдемара принять святое крещеніе по православному

обряду ¹⁾. Кроме того, 2 іюня 1645 года, «по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси указу говорили Дѣмитрей Франзбековъ да большаго собору Пречистыя Богородицы ключарь Іоаннъ Насѣткинъ Датскаго королевича Вольдемара христіаносовича с Нѣмчиномъ с Матѳеемъ Андреевымъ с товарищии о крещеніи православные христіанскіе вѣры, что в Греческихъ и в Немецкихъ библіяхъ написано погруженіе, а не обливаніе и не окропленіе, а онъ Матѳей говорилъ, что обливаніе и окропленіе все едино крещеніе». И его Матѳея «уличали» евангелиемъ, св. отцами, правилами апостольскими и даже нѣмецкой книгой Децинаріемъ, а также рукописными церковно-славянскими книгами. Но Матѳей Нѣмчинъ безусловно отрицалъ отеческія творенія и русскія рукописи: «тѣмъ-де было затѣямъ нѣчего вѣрить, святіи отцы не апостоли были»; или «да гдѣ тѣ вры писана»? «И какъ Дмитрей положилъ ихъ Немецкую книгу Децинарію, и они в ней смотрели и рассуждали и въ ней написано погречески и по немецки погруженіе, а не обливаніе, ни окропленіе. И стали вельми бранитися и книгу свою децинарію учалъ онъ нѣмчинъ Матѳей о столь бить». О русскихъ книгахъ онъ отозвался: «не печатны де книги у васъ, а у насъ де книги всѣ печатные, да нынѣ де здѣ у насъ нѣтъ ихъ с нами, а вашимъ де писмяннымъ книгамъ нѣчево вѣрить безъ греческихъ книгъ, а в Діонисіеве де книгѣ я знаю ни въ дватцати мѣстѣхъ что ложь писана, и той де книге нѣчево вѣрить, и намъ она негодна. И я ему противу говорилъ: да хотя тебѣ и негодны кажутся наши книги, но во всѣ царства христіанскіе на востоцѣ и на полудни и на западе и гдѣ ни есть христіане, то начальники ихъ патріархи и митрополиты и архієпископы и весь чинъ священной къ нашему государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всея руси и ко святѣйшей

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад. о. л. 47. О Датскомъ Королевичѣ Вольдемарѣ см. исторію Россіи, Соловьева: царствованіе Михаила Ѳеодоровича.—

церкви поклоняются и со слезами просят, еже не пищи и одежды, но учения и заступленія о православной вѣрѣ, и не отъ четырехъ патріархъ вселенскихъ, но отъ дому пречистые Богородицы великія росіи отъ владычества государскаго... Да мы же Дмитрей и Іоаннъ говорили ему Нѣмчину Матеею, что онѣ некрещенные; потому что у нихъ архіепископъ на площади бродить и лише имя на себѣ архіепископское носить, а церкви Божіи не предстоить, а потомъ какъ женитца, и онъ будетъ солдатъ и имя свое потерять. И потомъ у нихъ же чинъ повелся, что ево в то время никто не назоветъ архіепископомъ, и то какъ еже ему благословити, а онъ самъ не благословенъ? А у насъ церкви, а у нихъ кирки именуются аки жена блудница, а бродятъ в нихъ всякіе люди чистые и нечистые, с ними же и псы кругомъ во мнимой ихъ святыни бродятъ и скверну всякую касятъ» ¹⁾). Но несмотря на всѣ эти доводы королевичъ Вольдемаръ остался непреклоннымъ. За то послѣдующіе патріархи Московскіе и протестантовъ отчислили въ разрядъ враговъ Божіихъ наравнѣ съ католиками. Патріархъ Іоакимъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ 1690 года убѣждалъ Іоанна и Петра I изгнать изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ, какъ враговъ Божіихъ ²⁾).

Такимъ образомъ непріязненныя отношенія русскихъ къ иновѣрнымъ иноземцамъ. проходятъ черезъ всю древнюю исторію Россіи. Конечно, онѣ служили немаловажнымъ препятствіемъ къ сближенію Россіи съ западомъ, но въ то же время онѣ не исключали его совершенно. Эти непріязненныя отношенія русскихъ къ западнымъ иновѣрцамъ вызывались и поддерживались съ одной стороны пропагандивными стремленіями самихъ западныхъ иновѣрцевъ, а съ другой стороны—низкимъ уровнемъ образованія русскаго народа, вслѣдствіе чего русскіе православные чувство-

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад. о. л. 47.

²⁾ Исторія русской словесности, Галахова, 1863 г., т. 1, стр. 126.

вали себя не въ состояніи бороться съ иновѣрцами и ограничивались только оборонительнымъ положеніемъ и отрицательнымъ отношеніемъ къ нимъ. А все это—случайныя причины отчужденія русскихъ отъ запада, не вытекавшія изъ характера русскаго народа. Съ развитіемъ самостоятельности русскаго народа и государства и съ распространеніемъ въ немъ образованія онѣ должны были уничтожиться, какъ и дѣйствительно онѣ стали постепенно уничтожаться еще въ древней Россіи.

Мы говорили, что отрицательное отношеніе нашихъ предковъ къ западу вызывалось и опредѣлялось оборонительнымъ положеніемъ Россіи, сознававшей свою слабость. Но и это отрицательное отношеніе къ западнымъ иновѣрцамъ принадлежало преимущественно греческимъ и русскимъ духовнымъ лицамъ, по своему долгу обязаннымъ стоять на стражѣ православной вѣры. Что же касается простаго народа и самихъ князей, то они часто не понимали существенной разницы между православіемъ и католичествомъ и неразъ спрашивали объ этомъ своихъ духовныхъ отцовъ, а поэтому не могли совершенно чуждаться иноземцевъ. Даже и у пастырей церкви того и другаго вѣроисповѣданій было множество пунктовъ, на которыхъ сходились они въ своихъ интересахъ, такъ какъ и православіе, и католицизмъ, и протестанство,—одинаково христіанскія вѣроисповѣданія. «Изначала знаемъ васъ—писалъ патріархъ Іосифъ къ Датскому королевичу Вольдемару—что вы именуетесь христіане, но не во всемъ вѣру Христову держите прямо и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ». И какъ скоро общій врагъ христіанства святотатственно посягалъ на христіанскую святыню, восточные и западные христіанскіе писатели забывали о вѣроисповѣдныхъ разностяхъ, отдѣлявшихъ ихъ другъ отъ друга, и сходились между собою въ одномъ общемъ чувствѣ печали объ успѣхахъ врага христіанства, равно какъ и въ чувствѣ радости о побѣдѣ надъ нимъ. Такъ напр. подъ 1244 годомъ французскій лѣтописецъ Матѳей парижскій

занесъ въ свою хронику слѣдующую сочувственную замѣтку о нашествіи на Россію татаръ: «въ это время знаменитый русскій архіепископъ Петръ, человекъ, сколько мы могли о немъ судить, достопочтенный и стоящій довѣрія, изгнанный татарами изъ своей архіепископіи и даже изъ своей страны, въ страхѣ прибылъ сюда. Когда его спрашивали о татарахъ, онъ отвѣчалъ: я думаю, что они—потомки Мадіанитовъ... У нихъ было 12-ть начальниковъ, изъ которыхъ главнымъ былъ Татаръ-ханъ, что и дало имъ названіе татаръ. У его потомка Хіаръ-хана было три сына, съ которыми татары вышли изъ своихъ горъ и начали осаждать обширный городъ Эрнакъ, взяли его и его владѣльца убили и бѣжавшаго его племянника преслѣдовали, опустошая тѣ мѣста, гдѣ ему давали убѣжище. Въ числѣ другихъ странъ была опустошена и большая часть Россіи, назадъ тому около 26 лѣтъ» ¹⁾. Равно и русскіе писатели весьма сочувственно отзываются о крестоносцахъ, сражавшихся противъ общаго врага христіанства—турокъ. Въ лѣтописи подъ 1190 годомъ говорится о крестоносцахъ третьяго крестоваго похода слѣдующее: «сіи же пѣмцы яко мученици святіи проляша кровь свою за Христа, со цари своими» ²⁾. Не менѣе сочувственно отзывается о крестоносцахъ и повѣсть о взятіи Царяграда крестоносцами ³⁾. Съ усиленіемъ Московскаго государства мысль о всеобщемъ ополченіи христіанскихъ государствъ противъ турокъ сдѣлалась почти постоянною темою сношеній западно-европейскихъ государствъ съ Россіею. Такъ напр. папа Александръ VI приглашалъ Іоанна III вооружиться общими силами противъ турокъ. Іоаннъ отвѣчалъ: «мы съ Божіею волею, какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стояли, такъ и теперь стоимъ, и впередъ, если дастъ

¹⁾ Исторія русск. литературы, Кириичникова, 1869 г., стр. 33.

²⁾ Опытъ историч. обзор. р. словесности, О. Миллера, 1866 г., г. I, стр. 295.

³⁾ Тамъ же, стр. 405—406

Богъ, хотимъ, уповаю на Бога, за христіанство противъ поганства стоять, какъ намъ Богъ поможетъ, и просимъ у Бога того, чтобъ христіанская рука высока была надъ поганствомъ» ¹⁾. Были даже попытки осуществленія этой мысли. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича возникла турецкая война, участіе въ которой приняла не одна Россія, но и другія христіанскія страны, Польша и Австрія. Вѣроятно, во время этой войны, слѣдовательно въ 70-хъ или 80-хъ годахъ XVII вѣка сочинена была дипломатическая переписка между Султаномъ и главными участниками въ борьбѣ съ нимъ, какъ-то: Московскимъ царемъ, Римскимъ цесаремъ *Леопалдусомъ*, Польскимъ королемъ и козаками, наполненная рѣзкими брачными выраженіями противъ Султана ²⁾. Для насъ интересна не самая эта брань, щедрою рукою изливаемая на турокъ, а основная мысль переписки. Весь христіанскій міръ представляется въ ней однимъ цѣлымъ, безъ различія вѣроисповѣданій, вооружившимся совокупными силами противъ общаго врага христіанства—турокъ.

Кромѣ общихъ интересовъ христіанства, сближенію русскихъ съ западными иновѣрцами содѣйствовала и извѣстная доля образованія, въ которомъ нельзя отказать нѣкоторымъ представителямъ русской церкви въ древній періодъ русской исторіи. Если отрицательное отношеніе нашихъ предковъ къ западу вызывалось и опредѣлялось оборонительнымъ положеніемъ Россіи, сознававшей свою слабость въ дѣлѣ образованія; то понятно, что съ увеличеніемъ послѣдняго должно было въ той же мѣрѣ ослабѣвать

1) Истор. Россіи, Соловьева, т. V, стр. 170.

2) Обзоръ хронографовъ русской редакціи, Попова, выпускъ 2, стр. 227 и 229 и приложеніе. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ находятся въ рукописи Кіев. Акад., № 0. 1/4. 32. Противъ изданія г. Попова здѣсь есть и новыя статьи: 1) «Переводъ своей иной деклараціи турецкаго султана противъ всего христіанства отъ рѣки Дуная Феврала отъ 21 числа 1716 году», и 2) «Списокъ 3 грамогы салтанской къ великому государю».

и отрицательное отношеніе къ западу. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Люди, получившіе такое или иное образованіе въ духѣ православія, не могли чуждаться запада Европы, такъ какъ они могли не только не соблазниться сами иновѣрными мнѣніями, не только опровергать западныя заблужденія и защитить православіе, но и дѣлать полезныя заимствованія отъ иновѣрцевъ, не измѣняя духу православія. Таковы были тѣ изъ русскихъ пастырей-обличителей католичества, которые обличали его въ духѣ кротости и любви, какъ напр. митрополитъ Іоаннъ III; таковъ же былъ и знаменитый въ исторіи древнерусскаго просвѣщенія святогорецъ Максимъ Грекъ, получившій широкое по тогдашнему времени образованіе. И Максимъ Грекъ писалъ противъ латинянъ сочиненія, которыя по своему содержанію представляютъ какъ бы продолженіе прежней обличительной литературы того же рода. При Максимѣ Грекѣ въ Москвѣ долго жилъ папскій легатъ Николай Шомбергъ, бывшій впослѣдствіи кардиналомъ и архіепископомъ Падуанскимъ. Сочиненія его въ пользу соединенія съ Римомъ читались нѣкоторыми русскими не безъ участія. Многія сочиненія Максима Грека направлены противъ «лестивыхъ писаній» Николая Шомберга, родомъ нѣмчина, а вѣрою латинянина, который старался уклонить русскихъ отъ православія въ латинство. Два слова «па латинянъ» и «противъ Николаевыхъ главизнъ» составляютъ одно цѣлое и адресованы къ какому-то боярину Карпову, который интересовался религіозными вопросами и получилъ особое посланіе отъ нѣмчина. Кромѣ того Максимъ Грекъ написалъ «Слово къ Николаю латинянику объ исхожденіи Св. Духа», поучительное посланіе къ нѣкому мужу на обѣты нѣкоего «латинянина мудреца» и др. ¹⁾. Но по своему духу и характеру обличительныя сочиненія Максима Грека противъ латинянъ значительно отличаются отъ подобныхъ сочиненій его предшествен-

¹⁾ Исторія русской словесности, Порфиріева, 1870 г., т. I, стр. 401 и слѣд.

никовъ на этомъ поприщѣ. Онъ не просто предостерегаетъ православныхъ отъ заблужденій иновѣрцевъ, не просто указываетъ пункты этихъ заблужденій, но обстоятельно раскрываетъ ихъ и опровергаетъ, съ полнымъ сознаніемъ правоты православной вѣры и своихъ собственныхъ силъ. При такомъ сознательномъ, разумномъ отношеніи своемъ къ иновѣрію, Максимъ Грекъ опровергалъ только то, что дѣйствительно несогласно было съ духомъ православія, и не отрицалъ всей области латинства: напротивъ, здѣсь онъ указывалъ иногда хорошія черты и рекомендовалъ ихъ русскимъ православнымъ, для улучшенія ихъ религіозно-нравственной жизни. Обличая въ русскихъ страсть сребролюбія, Максимъ говоритъ, что наши правители обидятъ, лихоимствуютъ, расхищаютъ имѣніе вдовъ и сиротъ, не стыдятся людей, вокругъ ихъ живущихъ, т. е. ляховъ и нѣмцевъ, которые, хотя и латиняне по ереси, но со всякимъ правосудіемъ и челоуѣколюбіемъ управляютъ дѣлами подвластныхъ, по установленнымъ градскимъ законамъ. Въ «повѣсти страшной и достопамятной о совершенномъ иноческомъ жителствѣ» Максимъ, въ примѣръ русскимъ инокамъ, ставитъ жизнь монаховъ одного западнаго картезіанскаго монастыря. Разсказавъ объ этомъ монастырѣ и объ игуменѣ Флорентинскаго монастыря Іеронимѣ Савенаролѣ, онъ въ концѣ повѣсти прибавляетъ: «сеіе пишу не съ тѣмъ, чтобы показать латинскую вѣру чистою, совершенною и прямоходящею во всемъ, но для того, чтобы показать православнымъ, что и у неправомудренныхъ латинянъ есть попеченіе о спасительныхъ евангельскихъ заповѣдяхъ, что по святымъ заповѣдямъ устрояютъ иноческое пребываніе сущіи у нихъ мнихи, братолюбію, нестяжательности и молчанію которыхъ и намъ должно подражать, чтобы не оказаться ихъ ниже». Въ сочиненіи своемъ: «главы поучительныи начальствующимъ правовѣрнымъ», Максимъ Грекъ между другими качествами царя поставляетъ дружелюбный пріемъ и правдивое обращеніе съ приходящими или призываемыми иностранцами. Хо-

рошо припимаемые иностранцы повсюду будутъ рассказывать о такомъ приѣмѣ и такимъ образомъ привлекать другихъ. Правда, указаніе Максимомъ западныхъ примѣровъ для подражанія признано было въ Московскомъ государствѣ оскорбительнымъ для русскихъ монастырей, вслѣдствіе чего на соборѣ противъ Максима Грека поставляли ему въ вину то, что онъ русскіе монастыри называетъ любостяжательными, и даже ученикъ и почитатель Максима Зиновій Отенскій сильно негодовалъ на него за эти оскорбительныя сочиненія ¹⁾; но съ другой стороны взгляды Максима Грека на западное образованіе имѣли и приверженцевъ, какъ напр. князя Курбскаго, и особенно усвоены были на юго-западѣ Россіи. Южнорусскіе ученые, вооруженные, подобно Максиму Греку, систематическимъ образованіемъ, не боялись заимствоваться отъ запада богословскимъ образованіемъ и употреблять его на пользу православія.

Наконецъ, независимо отъ племеннаго родства и общихъ религіозныхъ интересовъ, были и другія условія, содѣйствовавшія сношенію нашихъ предковъ съ западною Европою. Мы разумѣемъ здѣсь общіе интересы житейскіе, торговые, промышленные и политическіе. Область этихъ интересовъ въ древней Россіи была совершенно отдѣлена отъ интересовъ племенныхъ и религіозныхъ. Древняя Русь имѣла торговыя и политическія сношенія съ народами не только арійскими, но и тюркскаго происхожденія, и при этомъ объявляла полную свободу вѣры. Когда Англійская королева Елисавета просила у Грознаго свободы вѣроисповѣданія для своихъ подданныхъ, торговавшихъ въ Россіи, то ей отвѣчали: «госюдарю нашему до ихъ вѣры дѣла пѣтъ; многихъ вѣръ живутъ люди къ нашему государствѣ, и никакого государь отъ вѣры отводить не велить, всякій живетъ въ своей вѣрѣ» ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 409—411 и 413.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. VII, стр. 339.

Русскіе государи выдавали своихъ дочерей и родственницъ замужъ за иновѣрцевъ, а православная церковь освящала эти браки своимъ благословеніемъ. Такъ напр. въ 1573 году была въ Новгородѣ свадьба нареченнаго ливонскаго короля Магнуса, который женился на племянницѣ царской, дочери князя Владиміра Андреевича Маріи. Женихъ былъ протестантъ. При описаніи этой свадьбы читаемъ: «вѣнчаться королю на пробойной улицѣ, на Славновѣ, у Димитрія Святаго, а съ королемъ ѣхать римскому попу, а княжну обручать и вѣнчать Дмитровскому попу; пріѣхавъ къ вѣнчанью, княжнѣ идти въ церковь, а королю стать на паперти и вѣнчать короля по его закону, а княжну по христіанскому закону» ¹⁾.

Таковъ общій характеръ сношеній древней Россіи съ западною церковію. Но мы далеки были бы отъ истины, если бы всѣ связи древней Россіи съ западною Европою стали объяснять единственно и исключительно этимъ характеромъ и оцѣнивать ихъ по одной общей мѣрѣ. Указанныя нами общія условія, благопріятствовавшія или не благопріятствовавшія сношеніямъ и связямъ съ Европою, видоизмѣнялись соотвѣтственно характеру и потребностямъ какъ тѣхъ частей древней Россіи, которыя имѣли сношенія съ государствами западной Европы, такъ и этихъ послѣднихъ, и слѣдовательно принимали частный, мѣстный характеръ. Мы уже замѣчали выше, что сношенія древней Россіи съ западною Европою происходили то черезъ Новгородъ съ сѣверными европейскими государствами, то черезъ югъ Россіи, привлегавшій къ католической Польшѣ, то наконецъ черезъ Московское государство, которое современемъ Іоанна III вошло въ болѣе или менѣе прочныя и постоянныя связи съ западною Европою. А всѣ эти части Россіи имѣли особые расчеты при сношеніяхъ и связяхъ съ западною Европою, опредѣлявшіе и самый характеръ

¹⁾ Тамъ же, стр. 2.

этихъ сношеній. Такъ напр. Повгородъ имѣлъ преимущественно торговыя связи съ западною Европою и именно съ сѣверными народами германскаго и кельтскаго происхожденія. Вслѣдствіе этого русскіе люди, принадлежавшіе сѣверу Россіи, снисходительнѣе относились къ сѣверно-германцамъ, чѣмъ къ римлянамъ. У лѣтописца переяславскаго, первоначальный рассказъ котораго относятся къ эпохѣ древнѣйшей, встрѣчается любопытная, но, по мнѣнію г. Буслаева, значительно поздняя вставка, въ которой развращеніе запада приписывается не новымъ народамъ германскаго происхожденія, а римлянамъ. «По семь-же латына безстудіе взявше отъ худыхъ римлянъ, начаша къ женамъ къ чюждимъ на блудъ мысль держати и предстояти предъ дѣвами и женами службы съдѣваючи и знамя носити ихъ (т. е. рыцарски служить дамамъ и носить ихъ девизы и цвѣта), а своихъ не любить; и начаша пристроати собѣ кошули, а не срачици, и межиножіе показывати и кротополие (т. е. короткое верхнее платье) носити, и яки гворъ в ногавици створше образъ килы имуще и н стыдящися отинудъ, аки скомраси» ¹⁾. Впослѣдствіи времени, когда сѣверо-германскіе народы стали склоняться къ протестантизму, то вслѣдъ за ними и русскіе на сѣверѣ заразились духомъ свободомыслія и протеста, выразившихся въ цѣломъ ряду ересей жидовствующихъ, стригольниковъ и проч.

Иной характеръ имѣли сношенія южноруссовъ съ западною Европою. Поставленные въ тѣсныя связи съ католическою Польшею и въ зависимость отъ нея, они преслѣдовали преимущественно религіозные, богословскіе интересы и для развитія системы вѣроученія и обрядовъ православной церкви нерѣдко пользовались католическими источниками, а вслѣдствіе этого довольно благосклонно смотрѣли на римскихъ католиковъ и развращеніе Рима приписывали новымъ народамъ германскаго происхожденія.

¹⁾ Лѣтоп. Переясл., 3; Истор. очер., Буслаева, II, стр. 336.

Такъ напр. всѣ разности въ вѣрѣ, принятыя латинянами, митрополитъ Никифоръ объясняетъ Нѣмецкимъ завоеваніемъ Рима. Прегніе папы,—говоритъ онъ,—бывали на соборахъ и были согласны съ ихъ постановленіемъ, «потомъ же пріѣхша стараго рима Нѣмцы и обладаша землею тою; и по малѣ времени старіи и правовѣрніи муже, иже храняхуть и дѣржаху законъ Христа, отъидоша. По умертвіи онѣхъ, младіи и неутверженіи прельсти Нѣмецкой вѣслѣдоваша» ¹⁾. Связи южноруссовъ съ католическимъ югомъ Европы дошли до того, что южнорусскіе ученые не рѣдко увлекались католическими мнѣніями.

Середину между Новгородомъ и южною Россіею въ сношеніяхъ съ западомъ занимаетъ Московское государство. Прямая, непосредственная связи его съ западомъ были довольно слабы и имѣли свою цѣлю практическія выгоды государства, усиленіе его въ политическомъ отношеніи. Но какъ въ области внутренней политики Московское государство было объединителемъ всей Руси; такъ и относительно вліянія на Россію запада оно восприняло въ себя всѣ разрозненные струи этого вліянія и переработало ихъ сообразно своей натурѣ, не измѣняя началамъ православія. Выгода Московскаго государства заключалась въ томъ, что оно, не прикасаясь непосредственно съ иновѣрными народами, воспринимало ихъ вліяніе преимущественно черезъ старыя руки, т. е. черезъ Новгородъ и южную Россію, слѣдовательно имѣло полную возможность остаться вѣрнымъ православію и дать, съ его точки зрѣнія, вѣрную оцѣнку западному вліянію. Этимъ объясняется то, повидимому, странное обстоятельство, что, несмотря на низкій уровень образованія сравнительно съ Новгородомъ и юго западною Россіею, Москва контролировала и исправляла ихъ религіозныя убѣжденія. Съ одной стороны она возмущалась новгородскими нововведеніями въ церковной живописи,

¹⁾ Истор. русск. литературы, Кирпичникова, 1869 г., стр. 19.

обличала новгородскихъ еретиковъ и даже жгла ихъ на костръ; съ другой стороны подозрительно смотрѣла на южнорусскихъ богослововъ и уличала ихъ въ неправославія. Учительное евангеліе Транквилиона, возбудивъ непріятные для автора толки на югозападѣ, два раза потомъ прошло чрезъ московскую цензуру: въ первый разъ (1622 г.) оно признано «папистическимъ», почему и велѣно было истребить его экземпляры; во второй (1665 г.) на «его погрѣшительная словеса и служеніе ересямъ» написанъ «свитокъ укоризнъ». Катихизисъ Лаврентія Зизанія возбудилъ также прѣніе между его авторомъ и московскими книжными людьми, особо для того назначенными патріархомъ Филаретомъ и проч. ¹⁾).

Соотвѣтственно мѣстнымъ видоизмѣненіямъ западнаго вліянія на древнюю Русь, мы рассмотримъ раздѣльно сношенія и литературныя связи съ западною Европою: 1) Новгорода; 2) юго-западной Россіи и 3) Московскаго государства.

I.

Сношенія Новгородцевъ съ западною Европою были двоякаго рода: морскія—съ болѣе или менѣе отдаленными народами, и сухопутныя—съ сосѣдними народами. Тѣ и другія сношенія начались довольно рано.

Что касается морскихъ сношеній Новгородцевъ съ западною Европою, то онѣ первоначально имѣли враждебный характеръ. Еще задолго до прибытія къ Славянамъ трехъ братьевъ варягоруссовъ, Рюрика, Синеуса и Трувора, скандинавскіе и датскіе пираты стали производить непріятельскія вторженія въ земли народовъ при балтійскомъ и сѣверномъ моряхъ. Такъ напр. Дат-

¹⁾ Истор. русской словесности, Галахова, 1863 г., т. I, стр. 221 и слѣд.; О преподаваніи русской словесности, Стоюнина, 1864 г., стр. 189 и сл.; Исторія русск. словесности, Порфиріева, 1870 г., т. I, стр. 489 и сл.

чане при Фродонѣ или Фродѣ дѣлають нападеніе на Куретовъ и потомъ на Траннона и завоевываютъ его городъ Peltiscon (нын. Псковъ). Въ VII в. бѣжала отъ жестокости своего отца въ Гардарике (т. е. въ Новгородѣ) дочь Ивара Видфадма съ своимъ юнымъ сыномъ и только послѣ смерти своего гонителя возвратилась въ Данію. Сынъ ея Гаральдъ Гильдетацъ былъ королемъ Даніи и Швеціи. Ему наследовалъ сынъ его сведенаго брата Сагурдъ Рипгъ, котораго дѣдъ былъ родомъ изъ Гардарике. Датскіе купцы въ VIII в. вели торговлю съ Гардарике. Вообще эти народы задолго до 859 года стали вступать между собою въ близкія сношенія, облегчаемыя самымъ географическимъ ихъ положеніемъ. Вспомнимъ сверхъ того, что чрезъ эти земли пролегалъ путь въ богатую и гостепріимную Грецію, и что самое призваніе варяго-русовъ, на которыхъ съ довѣрчивостію положились прибалтійскіе народы, не могло бы имѣть мѣста, если бы они заранѣе не узнали коротко другъ друга.

Но если знакомство между Норманнами и обитателями прибалтійскихъ земель и началось задолго до 859 года, то оно было во все это время крайне не выгодно для послѣднихъ. Норманны, вторгаясь въ эти земли, убивали владѣльцевъ, опустошали ихъ землю, а все нужное для себя увозили по праву сильнѣйшихъ въ свое отечество. Только со времени призванія Славянами князей изъ среды Норманновъ земли ихъ сдѣлались обеспеченными со стороны пришельцевъ изъ за-моря,—и тогда началась между ними мирная торговля. Этому содѣйствовало и то обстоятельство, что почти современно съ утвержденіемъ въ Руси трехъ братьевъ произошло соединеніе безчисленныхъ скандинавскихъ конунгатовъ въ три королевства—Норвежское, Шведское и Датское, вслѣдствіе чего прекратились произвольные выѣзды изъ отечества и грабежи на моряхъ. Посредникомъ и средоточіемъ всей сѣверной торговли сдѣлался островъ Готландъ, находившійся почти въ равномъ разстояніи отъ Швеціи, Руси и Германіи и не зависѣвшій ни отъ

одной изъ нихъ, или лучше городъ Висби, располагавшій судьбою Готланда. Здѣсь новгородскіе купцы имѣли даже свою церковь и вѣроятно отсюда плавали со своими кораблями къ Шлезвигу, Мадебаху и имѣли сношенія съ прибалтійскими городами: Юлиномъ, Сатгупой, а также Осердевикомъ, Эртенбургомъ, Великимъ Мекленбургомъ и др. Съ паденіемъ Готланда и развитіемъ Ганзейскаго союза въ XIII и XIV вв. центръ торговли изъ Висби перенесенъ въ Любекъ, стоявшій тогда во главѣ Ганзейскаго союза. Съ этого времени, хотя Норгородцы и имѣли сношенія съ Любекомъ, а посредствомъ его не только съ Ганзейскими городами, но и съ Лондономъ и Брюге,—но собственно поѣздки Новгородцевъ за границу сдѣлались рѣже; потому что Ганзейскій союзъ предпринималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы торговля въ Новгородѣ была исключительно въ рукахъ конторы ганзейцевъ. Нѣмецкіе купцы завели свои поселенія по русскимъ городамъ, какъ напр. въ Новгородѣ, Старой Ладогѣ, Полоцкѣ, Кіевѣ; ѣздили ко Пскову и Смоленску, въ Карелію, Ингрію, Эстонию и Ливонію. Впослѣдствіи Новгородъ подчинилъ себѣ торговлю Пскова и Ладogi и по торговымъ сношеніямъ съ иностранцами занялъ неоспоримое первенство. Ни Смоленскъ, ни Полоцкъ не могли быть ему соперниками.

Но и эти сношенія съ западомъ съ теченіемъ времени стѣснялись все болѣе и болѣе. Причиною тому было утвержденіе въ Ливоніи крестоносцевъ, которые вошли съ Смоленскимъ княземъ въ формальный договоръ, обеспечивавшій обоюдныя торговыя привиллегіи, и этимъ стѣснили сухопутную торговлю Новгородцевъ съ западомъ. Они убѣждали даже иностранцевъ торговцевъ перенести рынокъ изъ Новгорода въ одинъ изъ ихъ городовъ.

Гораздо чувствительнѣе ударъ новгородской торговлѣ нанесенъ былъ Шведами, которые, занявъ Емь и западную часть Кареліи, старались завладѣть устьемъ Невы, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи торговлю новгородскую. Подстрекаемые частію пап-

скими буллами, частію собственнымъ рвеніемъ къ распространенію христіанской вѣры, а главнымъ образомъ желаніемъ расширить предѣлы своихъ владѣній, Шведскіе короли изъ-за южной Финляндіи вступили въ столкновеніе съ Новгородцами, продолжавшееся съ половины XII в. до пачала XV. Изъ Шведскихъ королей Магнусъ, какъ мы уже упоминали, безъ успѣха хотѣлъ обратить въ 1348 году Новгородцевъ и ихъ подданныхъ въ католичество.

Послѣдній, рѣшительный ударъ, ниспровергшій Новгородъ съ высоты величія, нанесли Новгороду великіе князья Московскіе. Въ 1498 году Іоаннъ III закрылъ контору иноземцевъ въ Новгородѣ и захватилъ товары купцовъ ганзейскихъ, которые въ 1504 году отправили къ нему посольство и просили возвращенія своей собственности; но Іоаннъ отказалъ имъ, и такимъ образомъ въ концѣ XV в. пала подъ ударами Іоанна III новгородская вольность, а вмѣстѣ съ нею и торговля новгородцевъ съ иноземцами ¹⁾. Правда, еще долго послѣ этого Новгородъ оставался самымъ значительнымъ въ Россіи по торговлѣ городомъ, но непосредственныя его сношенія ограничивались только сухопутными сношеніями съ Ливонскими нѣмцами и Финляндіей.

Этими торговыми сношеніями Новгорода съ западными народами опредѣлялись и его культурныя и литературныя связи съ ними. Въ періодъ свободныхъ, безпрепятственныхъ сношеній Новгорода съ западными народами Новгородцы заимствовали произведения западнаго искусства и литературы болѣе или менѣе въ католическомъ духѣ. Съ ограниченіемъ же вѣншей торговли Новгородцевъ съ западомъ со стороны Ливонскихъ нѣмцевъ и Шведовъ, являются литературныя произведенія, выражающія про-

¹⁾ Историч. обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ, Славянскаго, 1⁴7 г.; Сѣверно-русскія народоправства, Косюмарова, т. II стр. 177 и слѣд.

тестъ противъ чужеземныхъ притязаній и притѣсненій, какъ напр. житіе св. Исидора, замученнаго Ливонцами, и рукописаніе Магнуса. Наконецъ, когда Новгородъ со Псковомъ потерялъ свою самостоятельность и подчинился Москвѣ, — Новгородцы и Псковитяне воспользовались литературными заимствованіями для выраженія протеста противъ Москвы, протеста, выраженного какъ въ повѣсти о бѣломъ клоубѣ, такъ и въ цѣломъ рядѣ новгородскихъ ересей. Въ этомъ протестѣ Новгородцы сошлись въ своихъ симпатіяхъ съ протестантами и ихъ предтечами и не рѣдко пользовались ихъ мнѣніями.

Первые слѣды западнаго вліянія на древнюю Русь обнаружались именно въ тѣхъ городахъ, которые, при посредствѣ Новгорода, имѣли торговыя связи съ западомъ, какъ-то въ Кіевѣ, Смоленскѣ и др. городахъ. Одно изъ древнѣйшихъ преданій кіевскихъ имѣетъ предметомъ сооруженіе кіево-печерскаго храма во имя Успенія Пресв. Богородицы. Хотя онъ сооруженъ и украшенъ былъ мастерами греческими, но основная идея сооруженія, художественная и религіозная, принадлежитъ заморскимъ варягамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ любопытная легенда о Шимонѣ, помѣщаемая въ печерскомъ патерикѣ. Вѣнецъ Христовъ и поясъ, принесенные Шимономъ въ Кіевъ изъ варяжской земли, были на распятіи, которое для себя сдѣлалъ отецъ этого варяга Африканъ. Этимъ поясомъ размѣрена была величина храма: на 50 поясовъ въ широту, на 30 въ долготу и на 50 въ высоту, а вѣнецъ былъ завѣшенъ надъ жертвенникомъ того же храма ¹⁾.

Строителями храмовъ въ Россіи въ XII вѣкѣ были иностранцы. Такъ напримѣръ, когда Андрей Боголюбскій рѣшился создать соборную Владимірскую церковь Богоматери, по вѣрѣ его «приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель (вар. изъ многихъ земель)

¹⁾ Историч. очерки русской словесности и искусства, Буслаева, т. II, стр. 109.

мастеры», т. е. иноземныхъ мастеровъ ¹⁾). Итальянецъ Аристотель Фіоравенти, вызванный Іоанномъ III въ Россію, осмотрѣвши Владимірскую церковь, похвалилъ ее и сказалъ: «это работа какихъ нибудь нашихъ мастеровъ» ²⁾). Лѣтописецъ считаетъ подобнымъ чуду то, что Ростовскій епископъ Іоаннъ, обновляя Суздальскую соборную церковь Богоматери, не искалъ «мастеровъ отъ нѣмцевъ». Такъ рѣдки, слѣдовательно, были мастера изъ русскихъ! Вообще въ XII и XIII вв. строители храмовъ называются иностраннымъ словомъ «мастеры» или «мастера» (meister). Новгородскія корсунскія врата дѣланы были въ Нѣмецкой землѣ мастерами нѣмецкими во второй половинѣ XII в. Обѣ половинки ихъ составлены изъ отдѣльныхъ четверугольниковъ, на которыхъ изображены событія изъ ветхаго и новаго завѣта, священныя лица и другія фигуры въ западныхъ одѣяніяхъ, а также и сами нѣмецкіе мастера, работавшіе этотъ любопытный памятникъ Новгородской старины ³⁾). Отъ этихъ изображеній на корсунскихъ вратахъ недалеко переходъ къ подражанію церковной живописи запада. Въ XVI уже мы встрѣчаемъ произведенія русской живописи, скопированными съ рисунковъ итальянскихъ мастеровъ, напримѣръ съ Перуджино. Г. Равинскій имѣетъ подъ руками богатые матеріалы для доказательства заимствованія и даже рабскаго копированія рисунковъ и гравюръ западной живописи въ русскихъ произведеніяхъ XVI и особенно XVII вѣка ⁴⁾).

Первоначально эта подражательная живопись развилась въ Новгородѣ и Псковѣ; но съ половины XVI в. Новгородъ вмѣстѣ съ Псковомъ сдѣлался относительно церковной живописи средоточнымъ пунктомъ для сообщеній Москвы съ западомъ. Въ это время вызваны были попомъ Сильвестромъ въ Москву изъ Новго-

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 256.

³⁾ Историч. очерки, Буслаева, т. II, стр. 72—74.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 72.

рода и Пскова мастера, которые, по замѣчанію дьяка Висковатаго, писали изображенія, сходныя съ католическими изображеніями. Такъ напримѣръ, изображеніе тѣла Спасителя, покрытаго херувимскими крыльями, онъ «полагалъ западнымъ мудрованіемъ, на томъ основаніи, что самъ онъ не однократно слыхалъ отъ латинянъ, будто тѣло Иисуса Христа херувимы отъ срамоты укрывали и будто бы напротивъ того, греки пишутъ его въ портахъ, но этого одѣянна Спаситель не нашивалъ». Дѣйствительно, католическій характеръ подобныхъ изображеній отчасти подтверждается тѣмъ, что къ этой эпохѣ относятся первыя попытки снимать изображенія съ переводовъ западныхъ, т. е. съ иностранныхъ гравюръ, въ чемъ вполне убѣждаетъ насъ любопытнѣйшее и въ высокой степени важное для исторіи этого искусства замѣчаніе, сдѣланное г. Равинскимъ о томъ, что нѣкоторые изъ произведеній, писанныхъ по заказу Сильвестра Псковскими живописцами Останею и Якушкой, не что иное, какъ копіи съ извѣстныхъ итальянскихъ картинъ, снятыя по гравюрамъ. Христосъ плотію распятый на крестѣ; руки и ноги пригвождены, а крестъ стоитъ на херувимахъ въ лонѣ отчемъ. Это есть одна изъ самыхъ изящныхъ группъ, распространенная въ западномъ искусствѣ въ XV и XVI вв., но восходящая къ XII вѣку. При этомъ нужно замѣтить, говоритъ г. Буслаевъ, — что ни Псковъ, ни Новгородъ, ни того менѣе Москва не видѣли соблазновъ Римской или Венеціанской школы живописи. Дошедшія до насъ отъ XVI в. произведенія русской иконописи были сняты съ произведеній Чимабуэ, Перуджино. Такой въ высшей степени похвальный выборъ могъ быть чистою случайностію. Но уже самое существованіе гравюръ съ этихъ великихъ мастеровъ въ Новгородѣ и Москвѣ ручалось за успѣхи нашей религіозной живописи ¹⁾.

Но, что особенно для насъ важно, подобныя заимствованія

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 288, 290 и 327—328.

съ запада изъ области архитектуры и живописи не были дѣломъ совершенно безсознательнымъ: русскіе люди освятили эти заимствованія примѣрами св. мужей отечественныхъ, или же происходившихъ съ запада и воспитывавшихся подъ его вліяніемъ. Исторія намъ свидѣтельствуетъ, что между святыми русскими мужами было нѣсколько лицъ западнаго происхожденія. Такъ напримѣръ Прокопій юродивый Устюжскій былъ «отъ Латынска языка, отъ Нѣмецкія земли»; Меркурій Смоленскій былъ родомъ римлянинъ. Въ похвалахъ Меркурію говорится: «Римъ оставль къ намъ пришелъ еси; богатство римское оставль и пріять богатство на небесѣхъ и нынѣ живещи съ лики ангельскими... Римлянинъ родомъ сый, но вѣрою благовѣрною огражденъ, а не полувѣріемъ болей; но угодникъ Богу бысть и того рожешой» и проч. Далѣе, Антоній былъ римлянинъ, т. е. латинскаго или римскаго исповѣданія и безъ сомнѣнія, цѣмецъ, потому что, не умѣя говорить по русски, когда только что прибылъ къ Новгороду, понималъ рѣчь греченина Готѣина. Онъ очутился въ Новгородской области необычайнымъ способомъ. Прибылъ изъ Римской области по морямъ, чудеснымъ образомъ, на камнѣ. Еще будучи на родинѣ, въ Римѣ, онъ уже отказался отъ латинской вѣры и принялъ православіе. И тамъ же бросилъ въ море бочку, наполненную драгоценными вещами, сосудами серебрянными и золотыми и хрустальными, блюдами и всякою другою церковною утварью. Вслѣдъ за чудесно плывшимъ на камнѣ Антоніемъ и эта бочка приплыла изъ Италіи къ Новгороду и была вытащена рыбаками изъ рѣки и потомъ передана Антонію. Сосуды и прочая утварь были работы иностранной, даже подписи на сосудахъ, какъ сказано въ житіи, римскимъ языкомъ написаны. Изъ послѣдняго разказа открывается, какую цѣль имѣютъ всѣ эти житія святыхъ западнаго происхожденія: онѣ имѣли въ виду оправдать съ религіозной точки зрѣнія заимствованія религіозныхъ предметовъ съ запада. Существованіе западныхъ издѣлій христіанскаго искусства въ древней

Россіи было неоспоримымъ фактомъ, и благочестивые люди находили удовлетворительное для себя объясненіе ему въ рассказѣ о томъ, какъ чудеснымъ образомъ приплыли изъ Рима въ Новгородъ сосуды серебряные и золотые и другая церковная утварь иностранной работы съ латинскими надписями, и какъ потомъ самимъ Антоніемъ были эти сокровища положены въ святительской ризницѣ на соблюденіе ¹⁾).

Та же мысль оправдать заимствование съ запада проглядываетъ и въ житіи Авраамія Смоленскаго. Авраамій былъ однимъ изъ самыхъ начитанныхъ людей своего времени, писалъ также и иконы, объяснялъ народу отъ священнаго писанія и отцевъ церкви свои иконописныя изображенія страшнаго суда и испытанія воздушныхъ мытарствъ. Образование же Авраамія обыкновенно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ родился и жилъ въ одномъ изъ центровъ сношеній Россіи съ западомъ. Подтвержденіемъ сему служить и то, что между монашествующими лицами Авраамій нашелъ себѣ сочувствіе въ челоуѣкѣ, прозваніе котораго изобличаетъ въ немъ западное происхожденіе, именно въ Лукѣ прусинѣ ²⁾). Городъ, около котораго подвизался Авраамій, принадлежалъ къ числу книжныхъ городовъ Руси. Князья его, потомки Мономаха, завели въ немъ училище, въ которомъ учились не только по славянски, но даже по гречески и по латыни. Просвѣщенію Смоленска много способствовало сосѣдство его съ Ригею и вообще такъ называвшимся Готскимъ, т. е. балтійскимъ берегомъ. Пользуясь этимъ сосѣдствомъ, Смоляне часто посѣщали Нѣмецкую землю, а въ Смоленской въ свою очередь жилали нѣмцы. Между ними и русскими долженъ былъ происходить обмѣнъ мыслей, а это не могло не способствовать расширенію взгляда, пробужденію болѣе многосторонняго умственнаго развитія у Смолянъ. Не уди-

¹⁾ Тамъ же, т. II, 110—111, 182—185; житіе Антонія Римлянина см. въ рукоп. Кіев. Акад. . О. 1/4. 79.

²⁾ Историч. очерки, Буслаева, т. II, 57, 116 и 124.

вительно, если и св. Авраамій сдѣлался книжнымъ болѣе обыкновеннаго ¹⁾). Не удивительно также, что онъ допускалъ какія либо религіозныя заимствованія съ запада. Нѣкоторые приписываютъ Авраамію слово о мытарствахъ, въ которомъ замѣчаются слѣды ученія о пургаторіѣ и адѣ полагается «далече міра... на западѣ». Последнее мнѣніе, какъ мы увидимъ впоследствии, тоже занесено къ намъ съ запада. Можетъ быть, за эти-то заимствованія, какъ не совсѣмъ православныя, Авраамій и потерпѣлъ много гоненій отъ духовенства, тогда какъ народъ, граждане, вельможи или бояре и самъ князь были на сторонѣ Авраамія. Впоследствии времени любовь Авраамія къ просвѣщенію и живописи возведены были въ апотеозъ въ его житіи, написанномъ ученикомъ его Ефремомъ вскорѣ послѣ его кончины, и оправдывали собою позднѣйшія заимствованія религіозныхъ предметовъ съ запада.—Замѣчательно, что послѣдующія произведенія русской литературы, носящія на себѣ слѣды западнаго происхожденія, вращаются около тогоже предмета, который остановилъ на себѣ вниманіе Авраамія, а именно около вопросовъ о послѣдней судьбѣ міра и человѣка, о раѣ и адѣ. Мы разумѣемъ здѣсь житіе Макарія римлянина, упоминаемое въ посланіи Новгородскаго архіепископа Василія о раѣ, и рассказъ Новгородцевъ о видѣнномъ ими раѣ на западѣ, помѣщенный въ томъ же посланіи.

Доказывая въ своемъ посланіи существованіе земнаго рая, архіепископъ Василій указываетъ, между прочимъ, на св. Макарія: «а св. Макарій за 20 подрищъ жилъ отъ св. рая». Въ краткомъ видѣ житіе этого Макарія напечатано Пыпинымъ въ его памятникахъ старинной русской литературы. Кромѣ того, между рукописями Киевской Академіи есть другое житіе Макарія, болѣе подробное, съ ясными указаніями на его западное происхожденіе,

¹⁾ Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, О. Миллера, 1866 г. т. 1, стр. 391.

подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Житіе блаженнаго Макарія римлянина, изобрѣтенного под раемъ самовидци Теофиломъ, Сергіемъ и Гигиномъ чернорисцами».

Помянутыя лица, Теофилъ, Сергій и Гигинъ, отрекшись отъ міра, отправились въ Сирскую Месопотамію и поселились въ одномъ монастырѣ, находившемся между рѣками Тигромъ и Евфратомъ, игуменомъ котораго былъ нѣкто Асклепійонъ. Но они не долго жили въ монастырѣ: Теофилъ высказалъ однажды своимъ товаришамъ задушевное свое желаніе «странствовать и сего дойти, гдѣ небо землѣ прицѣпляется», и всѣ трое оставили тайно монастырь и отправились путешествовать. Посѣтили они святыя мѣста, какъ то Іерусалимъ, Вифлеемъ, Елеонскую гору, и, послѣ молитвы, отправились въ дальнѣйшій путь, вошли въ землю Персидскую, видѣли «поле велико и доброзлачно, проименуемое Ассія, на немъ же мученикъ Меркурій уби апостату Юліана», были въ Персидскомъ городѣ «Китиссефодо, идѣже тріе отроки Ананія, Азарія, Миссаилъ почиваютъ недалеко Вавилона», и наконецъ вступили въ землю Индѣйскую. Здѣсь-то начинается рядъ чудесъ и приключеній, случившихся съ путниками. Прежде всего, когда они остановились въ одной пустой хранищѣ, ихъ открыли здѣсь Египцы, хотѣли было сожечь ихъ и продержали въ заключеніи 80 дней. «По изгнаніи же томъ отъ предѣлъ ихъ шествовахомъ многи дни прямо востоку и приидохомъ на мѣсто дивно и поле благолѣпно, исполнь древесъ и плодовъ сладкихъ, идѣже, благодареніе и славу Богу воздавши, отъ медоточныхъ вкушахомъ плодовъ: и довольно насыщшыся пакы идохомъ даже до земля Хананеовъ, иже отъ прочихъ Киноцефалы наричутся, и видѣвше сихъ лицу ихъ много чудихомся. Они же со женами и племенемъ своимъ въ разсѣлинахъ каменныхъ обитаа и намъ отнюдь не прикасахуся покровеніемъ Божія силы. И оттуду паки текохомъ противъ востока чрезъ сто и десять дней, и впадохомъ во землю рода дивна, прорицаема Пихити или Пігмеѣ: сіѣ же

возрастомъ и высотой одинаго токмо лакта и узрѣвше насъ устрашишася и побѣгоша. Сего ради прославихомъ Бога, изъяснаго насъ отъ рукъ онѣхъ, прочее шествовахомъ». Затѣмъ наши путники взойшли на высокія горы, «на нихъ же ни солнце не заходитъ, ни древеся и ни трава растеть, токмо змїевъ, аспидовъ, василисковъ, гадовъ, единороховъ и буйволовъ безъ числа и иныхъ множество дивїихъ звѣровъ»; далѣе, пришли «на нѣкое мѣсто страшно, и каменїа имуще дивїя горѣ возвысимо и низу испущаемо», откуда путники выведены были оленемъ и вышли «на поле равно и пространно, слонїй веліе множество имущее: но пройдохомъ сквозъ я безвсякаго вреда, и отселѣ болѣй не бысть пути».

Послѣ долгихъ блужданїй, они вышли на равное мѣсто, обильное многими плодами, но покрытое непроглядной тьмой и темными облаками. Отсюда вывела ихъ голубица и привела къ столбу. «Посемъ обрѣтохомъ предъ собою великъ столпъ, и окрестъ его писанїе, егоже видѣвше, велїа исполнены быхомъ радости. Написанїе же сїцєво на немъ быше: сей столпъ постави Александръ сынъ Филиппа Македонскїй кесарь, истребляя Дарїя царя Перскаго. Кто в сю землю далѣе ити восхоцеть, ошуюю да идетъ; одесную бо земля безпутна, каменїа и бѣдъ исполненна». Прочитавъ надпись, монахи пошли налѣво; но и на этомъ пути они не избѣжали различныхъ непрїятностей и страхованїй. «Четырдесять же днїй ходящимъ намъ, найде злосмрадная воня, яко и душамъ ищезати. Падше же на землю, молихомся Господєви, да уже милостивно взятись повелитъ душамъ нашимъ, и по малѣ времени воставше отъ земля, се узрѣхомъ пропасть велику и множество скорпїй въ немъ огнистыхъ, и гласы многи исхождаху; слышахомъ же вопль и рыданїе веліе, аки безчисленнаго народа, и съ небеси возгремѣ гласъ сїце глаголющїй: мѣсто сіє суда и казни есть, в немже злостраждутъ Христа отрекшіся». Между двумя горами высочайшими путники увидѣли «человѣка исполина

на сто латїй, ужема связанна желѣзнома по всему тѣлеси, и два ужа отъ единой страны плоти его, ко единой горѣ привязана бѣша, и два ко другой горѣ другія страны. Огнь же великъ окрестъ его паляше отъ всякія страны, и гласъ воля его слышашеся яко за чтыредесятъ поприщъ. Егда же увидѣ насъ, абіе крѣпко плача и стена возгласи: лютѣ бо паляшесь огнемъ. Но и мы на сія сматряючи во велицѣ ужасѣ и трепетѣ закривая лица своя отдалече прейдохомъ тыя горы, и се на другое паки постигохомъ мѣсто, идѣже каменіе мнози и бездна бысть велія. Такожде и ту нѣкую видѣхомъ жену простовласу стоиму: по всему тѣлеси великимъ и лютымъ скорпіемъ обвиту; и егда уста своя ко глаголанію отверсти хотяше, абіе змій главу свою во уста вгнѣтая, языкъ ея уязвляше немилостивно, власы же тоя жепы до землѣ низвышаша, и яко намъ сія зрящимъ, чюдящимся и ужасающимъ, внезапно отъ тояже де пропасти жалостныи возвышахуся гласы, глаголющія: помилуй насъ, помилуй, Христе Сыне Бога вышняго!.. И воставше съ великимъ плачемъ и трепетомъ прейдохомъ на мѣсто ино, идѣ же дерева многа и велика видѣхомъ в подобіѣ финикъ. На вѣтвіяхъ же ихъ пернатая многа, подобна птицамъ воздушнымъ, гласомъ человѣческимъ крѣпко возглашающая сице: остави намъ, милосерде Господи, иже претвори насъ, остави намъ, милосерде, зане согрѣшихомъ предъ тобою по всей землѣ».

По минованіи адскихъ мукъ, начинаются мѣста, составляющія какъ бы преддверіе рая. Путники наши пришли къ прекрасному мѣсту, на которомъ стояли четыре прекрасные мужи, имѣющіе на главахъ своихъ золотые вѣнцы, украшенные бисеромъ и драгоценными камнями; въ рукахъ они держали золотыя вѣтви, «огнь же великъ и страшенъ предъ ними, и оружіе обоюду остро предъ собою державу». Они поставлены были Богомъ «на семь мѣстѣ стрещи и хранить стезя сея даже до дне суднаго, егда прійдетъ судити землѣ вселенной». Однако эти дивные мужи про-

пустили нашихъ путниковъ. Послѣ 40-дневнаго странствованія, «се внезапно гласы безчисланныя услышахомъ народа поюща, и велика благоуханія воня, аки предрагъ вальсамъ прииде къ намъ, имъ же паче медовпа сота уста наша усладишася, и отъ благоуханныя воня тыя сладости и умиленія пѣнія небеснаго сонъ изять насъ. Но малѣ же возбудившеся видѣхомъ предъ собою церковь неизреченною добротою и драгостію украшенну, и вся аки чистъ хрусталъ свѣтяшеся; внутри же ея олтарь благолѣпенъ и отъ него источникъ исхождаше в подобіе чиста млека, яко намъ вода та поистиннѣ мняшеся млеко. Окрестъ же источника онаго стояху мужіе святы и честны поюще пѣснь небесную, сирѣчь херувимскую. Но мы и сія зряще трепетяхомъ. Церковь же она отъ страны полуденныя подобіе имѣше камени зелена дражайша, а отъ страны полуночны подобіе чистыя крове являшеся, а отъ страны западныя вся бѣла бѣше аки млеко или снѣгъ. Звѣзды на ней далече сего свѣта звѣздъ свѣтлѣе сіяша, и солнце тамо седмерицею свѣтлѣе и теплѣе, нежели в сей земли, и птицы небесныя инако пояху отъ птицъ земля сея. Вся же земля та сугуба лицемъ бѣше, едино бѣло аки снѣгъ, другое багряна подобна бѣ». Черезъ 100 дней пути, монахи встрѣтили множество людей обоого пола, «и между ими отъ единого локтя мѣры не видѣхомъ, обаче зѣло ужасохомся». Монахи распустили свои волосы и одежды, побѣждали къ этому народу и обратили его въ бѣгство. Наконецъ, путники перешли какую-то рѣку, вышли на прекрасное поле и нашли «стезю добру», которая и привела ихъ къ пещерѣ преподобнаго Макарія римлянина.

На ту пору преподобнаго Макарія нѣ было въ своей пещерѣ. Путники остановились въ ней на отдыхъ, а проснувшись, вышли изъ пещеры, «разсмотрѣвъ же премо востоку, и се внезапно образъ человека издалека грядущъ узрѣхомъ, его же власы главніи подобни млеку чисту или снѣгу, по воздуху мало претреплены, все тѣло мужа того окрывающи». То былъ преподобный

Макарій римлянинъ. «Лице его аки лица ангела; бѣ бо воистинну аки древо при исходящихъ водѣ сажденно, и за престарѣлость глубокую очеса его не отверзахуся, зане бровы ихъ притворяху, ногти же рукъ его и ногъ зѣло долги, брада и власы плоть его всю одѣваща, и гласъ его тихъ, аки изъ глубины пѣкѣи исхождаше, кожа его яко кожа чрепашины». Послѣ взаимнаго привѣтствія старецъ спросилъ ихъ: «рцѣте ли, како живетъ родъ человѣческій, и яко вѣра христіанская, и еще ли срацины и еретицы не престаха христіанъ гонити». Путники удовлетворили желанію старца, а также рассказали о своихъ походахъ и сообщили о своемъ намѣреніи «ити, гдѣ небо землѣ прикасается». На это онъ отвѣчалъ имъ: «чадца моя возлюбленная, послушайте мя: отъ сего мѣста глубочае ко російскому селенію не можетъ человѣкъ плотію одѣянъ зайти; ибо и азъ грѣшникъ окаянный вседушевно о семъ труждахъся усильствуя далѣе пойти, да конецъ землѣ и предѣлъ увижду; обаче пѣкоея ноци предста ми во видѣніѣ Господень ангелъ глаголя. не преходи глубочае, ниже Господа искусити дерзнеши. И отвѣщахъ къ нему: почто, Господи мой! Онъ ре рече: *яко отъ сего мѣста двадцать токмо поприщъ ко раю*, в немже Адамъ и Ева во веселіѣ обитаху; но постави Господь предъ тимъ же раемъ херувима со огненнымъ оружіемъ страшна хранити древо жизни, иже имать отъ ногъ даже до пояса подобіе человѣческо; перси его аки перси лва, рука его яко крышталъ держащая мечъ ко стражи рая, да никто тамо приблизитися возможетъ. Азъ же слышавъ сія отъ ангела, болѣе не вопрошахъ, ниже ити кусихся».

Выслушавъ рассказъ преподобнаго Макарія о земномъ раѣ, чернецы оставили свое намѣреніе искать конецъ свѣта и только просили преподобнаго рассказать имъ о его житіи. Макарій исполнилъ ихъ просьбу и рассказалъ имъ, какъ онъ, родившись отъ знаменитыхъ родителей въ городѣ Римѣ, по достиженіи совершеннолѣтія, обрученъ былъ на одной дѣвицѣ, какъ онъ, не же-

лая вступать въ бракъ, тайно оставилъ родительскій домъ, и, руководимый ангеломъ, прибылъ на то мѣсто, на которомъ нашли его чернецы, какъ онъ нашелъ въ одной пещерѣ двухъ львенковъ и воспиталъ ихъ, какъ искушенъ былъ отъ бѣса и каялся въ теченіи трехъ лѣтъ, зарытый въ землю по шею, и проч. Выслушавъ это, монахи пожелали возвратиться въ свой монастырь, дабы повѣдать людямъ о житіи преподобнаго Макарія. Преподобный повелѣлъ проводить ихъ лвамъ, которые и довели ихъ до столпа Александрова.

Приведенное нами житіе Макарія римлянина переведено съ латинскаго языка на русскій въ XVII в. и носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды южнорусскаго перевода. Въ заглавіи его говорится: «Житіе блаженнаго Макарія... , преподобнымъ Іеронимомъ свидѣтельствуемое, преведенное з латинскои книги в Новгородскомъ монастыру благословеніемъ преосвященнаго архіепископа Лазара, а переводъ Іоанъ Гармашенко писарь архіепископскій» ¹⁾, т. е. оно переведено въ Новгородѣверскомъ монастырѣ, по благословенію Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, вступившаго на Черниговскую кафедру въ 1657 году ²⁾. Но для насъ чрезвычайно важно это житіе потому, что оно указываетъ на свои западные, латинскіе источники. Очевидно, оно представляетъ изъ себя передѣлку западныхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ на христіанскій ладъ. Какъ Александръ Македонскій во время своихъ походовъ встрѣчаетъ необыкновенныхъ людей и животныхъ, людей съ собачьими головами и птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногихъ, циклоповъ, великановъ, пигмеевъ: такъ и упоминаемые въ житіи монахи встрѣчаются съ киноцефалами и пигмеями. Александръ Македонскій приходитъ къ солнечному городу, откуда солнце восхо-

¹⁾ Рукоп. Киев. Акад. № 0, 4^о. 86, стр. 33—47.

²⁾ «Черниговскіе іерархи», въ труд. К. Д. А., 1860 г., II, 204—5.

дить, и встрѣчаетъ Гога и Магога, царей ужасныхъ нечистыхъ народовъ и, чтобы избавить отъ нихъ міръ, заключаетъ ихъ въ сѣверныхъ горахъ. Подобнымъ образомъ и монахи, отыскавшіе преподобнаго Макарія, были въ такой странѣ, гдѣ солнце седмерицею яснѣе и теплѣе, нежели въ сей землѣ, и видѣли челоуѣка исполина, заключеннаго между двумя горами, вѣроятно одного изъ нечестивыхъ царей, заключенныхъ Александромъ Македонскимъ въ сѣверныхъ горахъ ¹⁾. Вообще, всѣ подробности разсматриваемаго житія имѣютъ параллель съ подобными подробностями въ похожденияхъ Александра Македонскаго. На него есть даже прямыя указанія въ житіи, когда оно говоритъ объ Александровомъ столпѣ. Почти единственную разность между житіемъ Макарія и сказаніями объ Александрѣ Македонскомъ составляетъ то, что въ житіи, повидимому, не говорится о рахманахъ или минахъ, съ которыми встрѣчался Александръ Македонскій; но эти рахманы замѣнены въ житіи странствующими монахами и самимъ Макаріемъ римляниномъ, на основаніи внѣшняго сходства ихъ съ браминами. Въ одной переводной космографіи описывается страна блаженныхъ рахмановъ, которые не вѣдаютъ неправды, ни естественныхъ нуждъ, и живутъ безъ трудовъ и печали: «страна рахманы нагіе—подъ самымъ востокомъ солнца, и царя имѣютъ у себя... Житіе ихъ таково: одѣваются листвиємъ древянымъ садовнымъ и отъ того оwoщемъ питаются, и жены имѣютъ, а ризъ и скота и хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же». Они живутъ на макарійскихъ т. е. блаженныхъ счастливыхъ островахъ. Въ упомянутой космографіи на восточной сторонѣ означенъ островъ Макарійскій, первый подъ самымъ востокомъ солнца, близъ блаженнаго рая; потому его такъ нарицаютъ,—

¹⁾ О сказаніяхъ объ Александрѣ Макед. см. «Очеркъ исторіи литературы, повѣстей и сказокъ», Пыпина, стр. 45—50. Въ свою очередь этотъ мнѣнъ напоминаетъ намъ собою о мноѣ касательно Прометея.

замѣчаетъ космографія, что залетаютъ въ сій островъ птицы райскіи Гомаюнъ и Финиксъ и благоуханіе износятъ чудное ¹⁾. Впослѣдствіи времени нарицательное названіе Макарійскаго, т. е. блаженнаго острова превратилось въ собственное и олицетворено было въ преподобномъ Макаріѣ, который своимъ происхожденіемъ изъ Рима указываетъ на римское или вообще западное происхожденіе житія его.

Итакъ, житіе Макарія римлянина—западнаго происхожденія и, какъ мы сказали, явилось, можетъ быть, для оправданія русскихъ заимствованій съ запада.

Во всякомъ случаѣ,—если Новгородскій архіепископъ Василій въ своемъ посланіи упоминаетъ объ этомъ житіи и говоритъ именно о трехъ монахахъ, которые находили Макарія; то, слѣдовательно, непосредственно или посредственно пользовался западными источниками. Изъ общаго, краткаго указанія Василія на это житіе можно заключить, что оно появилось въ русской литературѣ еще до Василія, который только указываетъ на него, какъ на общеизвѣстное.

Кромѣ житія Макарія, въ Василіевомъ посланіи о земномъ раѣ есть намекъ и на другой западный источникъ этого посланія. Въ немъ Василій ссылается, между прочимъ, на св. Патрикія и передаетъ слѣдующіе рассказы Новгородцевъ о земномъ раѣ и алѣ. «А муки и нынѣ суть на западѣ, много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому: на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка молненная Моргъ, и что вода всходитъ въ преисподняя и паки исходитъ трижда днемъ. И та вся мѣста мучимая не погибоша, а мѣсто се святое како погибе? А то мѣсто св. рая находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и едина отъ нихъ погибла много блудивъ, а двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло

¹⁾ «Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу», Афанасьева, т. I, 122; т. II, 135 и 141.

ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и вельми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскима рукама творенъ, но Божією благодатью; и свѣтъ бысть на мѣстѣ томъ самосіяненъ, яко немощи человѣку исповѣдати: и пребыша долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но свѣтъ бысть многочастный, свѣтлуяся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышахуть, и веселія гласы вѣщающа. И повелѣша единому другу своему взити по шеглѣ на гору ту, видѣти свѣтъ и ликованія гласы; и бысть, яко взиде на гору ту, и абіе всплеснувъ рукама и засмѣяся, и побѣже отъ нихъ. Они же вельми удивлешеся и другаго послаша, запретивъ ему, да обратився скажетъ имъ, что есть бывшее на горѣ; и той такоже сотвори, ни мало взвратися къ своимъ, но съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они же страха наполнишася и начаша размышляти къ себѣ, глаголюще: аще ли и смерть случится, но видѣли бѣхомъ свѣтлость мѣста сего,—и послаша третіяго на гору, привязавъ ужищемъ за ногу его; такоже и той сотворити хотѣ, всплескавъ радостно, и побѣже, въ радости забывъ ужища на нозѣ своей; они же сдернуша его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтеся мертвъ. Они же побѣгоша вспять; не дано есть имъ далѣ того видѣти свѣтлости тоя неизреченныя, и веселія и ликованія тамо слышащаго. А тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы» ¹⁾).

Въ противоположность первымъ источникамъ своимъ, здѣсь архіепископъ Василиій указываетъ адъ и рай на западѣ, а не на востокѣ. На западѣ же дѣйствительно существовали мѣстные преданія объ этомъ предметѣ и приурочивались именно къ лицу св. Патрикія, о которомъ упоминаетъ и Василиій Новгородскій. Таково преданіе о пургаторіѣ св. Патрикія, которое особенно распространено было въ странахъ древняго Кельтскаго населенія и представляло изъ себя примѣненіе общихъ преданій о раѣ и адѣ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Преданіе это рассказывается за-

¹⁾ Полн. собр. русск. лѣт., т. VI, стр. 87—89.

падными писателями XII вѣка и вошло въ одно изъ стихотвореній знаменитой англо-норманской писательницы XIII в. Маріи Французской, которая брала содержаніе для своихъ повѣствованій изъ мѣстныхъ Бретанскихъ, т. е. Кельтскихъ преданій. Вотъ нѣкоторыя подробности объ этомъ преданіи по стихотворенію Маріи Французской. Будто бы Патрикій открылъ Ирландцамъ, что на островѣ озера *Dearg*, соответствующаго рѣкѣ Моргъ Василя Новгородскаго, есть мрачная глубокая пещера, которая ведетъ прямо въ адъ. Патрикій пригласилъ Ирландцевъ самихъ видѣть собственными глазами великое чудо и посѣтить мѣсто мученія въ теченіи цѣлаго дня и ночи. Благочестивые люди, приготовившіеся къ своему страшному хожденію по мукамъ постомъ и молитвою, дѣйствительно удостоились все сказанное видѣть своими глазами и, воротившись изъ пещеры, повѣдали обо всемъ, что видѣли и испытали. Это повѣствованіе было записано и хранилось въ аббатствѣ св. Патрікія, которое было построено у самаго входа въ страшное подземелье, но до насъ писаніе это не дошло. Однако, по свидѣтельству Маріи Французской, въ XII в. одинъ рыцарь, по имени *Owen*, рѣшился искупить свои злодѣянія хожденіемъ по чистилищу св. Патрікія и, совершивъ приготовительные подвиги въ постѣ и молитвѣ, сошелъ въ подземную пещеру, а монахи того аббатства тотчасъ-же затворили за нимъ врата пещеры. Это страшное мѣсто называлось пургаторіемъ или чистилищемъ, потому только, что хожденіе по нему очищало грѣшныя души; но собственно оно вело только по адскимъ мукамъ до земнаго рая. Вошедши въ страшное мѣсто, рыцарь пораженъ былъ необычайнымъ свѣтомъ. Прошедши бесплодную поляну, онъ вступилъ въ прекрасный дворецъ. Тамъ увидѣлъ онъ какихъ-то 15 особъ, одѣтыхъ въ бѣлое, отъ которыхъ получилъ подкрѣпленіе для своего хожденія по мукамъ между демонами. Вступивъ въ адское отдѣленіе, рыцарь тотчасъ-же былъ схваченъ дьяволами, но разрушилъ всѣ ихъ новы однимъ только именемъ

І. Христа; потомъ видѣлъ муки грѣшниковъ: кто повѣшенъ за ногу, кто—за волосы, кто пригвожденъ къ землѣ огненными гвоздями, кто мучится въ котлѣ съ кипящей водой. Изъ ада надобно было пройти въ земной рай по мосту, узкому какъ лезвее ножа. Въ раю рыцарь видѣлъ епископовъ и монаховъ, которые совершали процессію кругомъ какого-то храма, сіявшаго золотомъ и самоцвѣтными камнями. Это еще не небесный настоящій рай, въ которомъ пребываетъ самъ Господь Богъ, а рай земной.

Вѣроятно, изъ этого источника, хотя и не непосредственно, заимствовалъ Василиій Новгородскій свои свѣдѣнія о земномъ адѣ, на что указываютъ и ссылка его на географически опредѣленный западъ, и имя св. Патрикія, встрѣчающееся въ посланіи, и названіе озера *Dearg*, напоминающее рѣку Моргъ Василия, и не совсѣмъ православная мысль посланія, отзывающаяся римскимъ ученіемъ о чистилищѣ, какъ утверждаетъ послѣднее преосвященный Макарій въ своей исторіи русской церкви. Даже самыя представленія о земномъ раѣ, находящіяся въ посланіи Василия, тоже заимствованы съ запада. Обыкновенно на Руси рай представляли на востокѣ, какъ объ этомъ пишетъ и самъ Василиій. Между тѣмъ въ томъ же посланіи своемъ онъ передаетъ рассказъ о земномъ раѣ, принадлежащій Новгородцамъ, которые плавали долгое время по морю, слѣдовательно не на востокъ, а на западъ или, по крайней мѣрѣ, на сѣверъ. Слѣдовательно Василиій допустилъ явное противорѣчіе себѣ самому, увлекшись западными преданіями. Въ этихъ же преданіяхъ рай дѣйствительно приурочивается къ различнымъ мѣстностямъ западной Европы, какъ это отчасти видно изъ западныхъ преданій о пургаторіѣ св. Патрикія. Во французской литературѣ извѣстно было «путешествіе св. Брандана въ земной рай», нѣчто въ родѣ монашеской Одиссеи, составленное неизвѣстнымъ авторомъ около 1421 года ¹⁾, которое,

¹⁾ Всеобщ. исторія литературы, Шерра, въ русск. перев., 1865 г., стр. 140—141.

при помощи переводныхъ Луцидаріевъ, извѣстно было и въ древне-русской литературѣ. Отвѣчая на вопросъ о томъ, гдѣ находится рай, Луцидарій говоритъ, что рай находится на землѣ и въ подтвержденіе этого указываетъ на жида Брандана, путешествовавшего въ земной рай ¹⁾. Самый рай въ западныхъ преданіяхъ изображается сходно съ тѣмъ, какъ онъ представленъ у Василя Новгородскаго. Въ поэмѣ Данта земной рай представляется на вершинѣ горы, освѣщенной прекраснымъ, вѣчно зеленѣющимъ лѣсомъ. Здѣсь деревья слегка колышутся подъ тихимъ, всегда ровнымъ вѣяніемъ легкаго вѣтерка, а птицы оглашаютъ воздухъ сладкими пѣснями, которыя сливаются съ шелестомъ листьевъ и образуютъ дивную гармонию ²⁾. Въ поэмѣ Аріосто одинъ изъ героевъ ея Астольфъ преслѣдуетъ гарпій до воротъ ада, потомъ скачетъ дальше и взбирается на высочайшую гору земнаго рая и видитъ тамъ патріарховъ и Іоанна ³⁾. Равнымъ образомъ и Новгородцы видѣли земной рай на горѣ, на вершинѣ которой «написанъ Деисусъ», соотвѣтствующій патріархамъ и Іоанну у Аріосто.

Займствовавъ изъ какихъ либо западныхъ источниковъ преданія о земномъ раѣ и адѣ, упоминаемые въ Василиевомъ посланіи, Новгородцы сообщили эти преданія своимъ дѣтямъ и внукамъ, а эти послѣдніе, въ искаженномъ видѣ, передали объ этомъ архіепископу Василю. Изъ его словъ можно видѣть, что онъ слышалъ это преданіе не отъ Моислава Новгородца и сына его

¹⁾ Изъ текста Луцидарія можно видѣть, что въ основѣ поэмы лежатъ еврейскія преданія. Евреи вѣруютъ въ существованіе земнаго рая, и раввинъ Барбахона утверждалъ, что онъ былъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ смыкается земля съ небомъ. См. «Путь очищенный къ познанію истинной вѣры». С. П. Б. 1835 г., стр. 63.

²⁾ Истор. національной литературы въ Италіи, Пинто, 1869 г., т. I, стр. 199.

³⁾ Истор. литер. древняго и новаго міра, Милукова, 1863 г., т. II, стр. 333.

Якова, а отъ ихъ потомковъ: «а тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы».

Если припомнить, что Василиѣво посланіе явилось между 1331—1352 г.; то, значить, упоминаемые въ посланіи Новгородцы ѣздили на западъ еще, можетъ быть, въ началѣ XIII в., когда не окрѣпъ еще Ганзейскій союзъ, и Новгородцы безпрепятственно могли ѣздить въ западную Европу. Но во всякомъ случаѣ это преданіе—не народное: русскій народъ составилъ о немъ насмѣшливую пословицу—«Новгородскій рай нашель»,—удержавшуюся до позднѣйшаго времени въ народной памяти ¹⁾.

Такимъ образомъ еще до Василия Новгородскаго существовали въ Новгородѣ литературные памятники и преданія западнаго происхожденія. Подобныя литературныя заимствованія не прекратились совершенно и при самомъ Василиѣ и продолжались даже послѣ него. Въ концѣ XV в. въ Новгородѣ ходили по рукамъ старопечатныя латинскія изданія. Составители полного списка славянской библии, при архіепископѣ Геннадіѣ, въ 1499 г., знали уже старопечатное изданіе Вульгаты. Тогда же въ Новгородѣ были латинскіе переводчики, изъ которыхъ одинъ, извѣстный подъ именемъ Дмитрія Схоластика, перевелъ съ латинскаго собраніе толкованій на псалтирь, сдѣланное Брюнономъ, епископомъ Вюрцбургскимъ. Ему также извѣстенъ былъ въ латинскомъ изданіи знаменитый энциклопедистъ Исидоръ Испаленскій, авторъ любопытнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: *Liber Etymologicarum* ²⁾. Въ спискахъ XIV и XV вв. встрѣчается на славянскомъ языкѣ переводъ бесѣдъ Григорія Двоеслова ³⁾.

¹⁾ Историч. очерки русской словесности и искусства, Буслаява, т. I, стр. 497—8.

²⁾ Тамъ же, т. II, стр. 324; см. Истор. русской слов., Галахова, т. I, стр. 91.

³⁾ Описаніе славян. рукописей Моск. синод. библ.; отд. 2, № 149, стр. 236.

Но, съ постепеннымъ ограниченіемъ и стѣсненіемъ Новгородской торговли и свободы то Шведами и Ливонскими нѣмцами, то Московскими государами, литературное сближеніе Россіи съ западомъ, собственно черезъ Новгородъ, стало ослабѣвать и ограничивалось только обмѣномъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и идей между Новгородцами и ближайшими ихъ западными сосѣдами, Ливонцами и Шведами. Да и въ этомъ тѣсномъ кругу литературное общеніе съ западомъ стало принимать непріязненный, враждебный характеръ по отношенію къ западу, вызывавшійся непріязненными дѣйствіями со стороны Ливонцевъ и Шведовъ. Такого именно характера рукописаніе Магнуса короля Шведскаго я вышеупомянутое нами житіе священномученика Исидора, пострадавшаго отъ Ливонцевъ.

Мы видѣли, что Шведскій король Магнусъ Ерихсонъ предпринималъ крестовый походъ противъ Новгорода. Походъ этотъ, грозившій большою опасностью Новгородцамъ, не удался. Въ отечествѣ Магнуса ждали бѣдствія: сначала онъ долженъ былъ вести войну съ родными сыновьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола вельможами, которые провозгласили королемъ племянника его отъ сестры Альбрехта Мекленбургскаго. Магнусъ былъ взятъ въ плѣнъ, освобожденъ только черезъ пять лѣтъ и кончилъ жизнь въ Норвегіи въ 1374 году. Эти извѣстія о плачевной судьбѣ короля, который грозилъ такою опасностію православію, были причиною появленія въ Новгородѣ «Магнушева рукописанія», которое начинается обычною формою русскихъ завѣщаній. «Я Магнусъ король Шведскій, нареченный во св. крещеніи Григорій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописанье при своемъ животѣ и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей землѣ Шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, потому что намъ не удастся». Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе неудачныхъ Шведскихъ походовъ на Русь, отъ Биргера до Магнуса. «Послѣ похода моего, продолжаетъ Магнусъ, нашла на нашу

землю Шведскую погибель, потопъ, моръ, голодъ и междоусобная брань. У меня самого отнялъ Богъ умъ, и сидѣлъ я цѣлый годъ задѣланъ въ палатѣ, прикованъ на цѣпи; потомъ пріѣхалъ сынъ мой изъ Мурманской (Норвежской) земли, вынулъ меня изъ палаты и повезъ въ свою землю Мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ принесъ подъ монастырь св. Спаса въ полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три ночи; а все это меня Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію» ¹⁾.

Болѣ рѣзкій характеръ носить на себѣ страданіе пресвитера Исидора новаго, написанное клирикомъ Василиемъ. По словамъ автора, «святый, обличая мучители, глаголаше: увы прелести вашае богомерскія, увы отступленія пагубнаго! Якоже учитель вашъ злоименитый папа Евгеній, иже подтверженіе вѣры своея отъ него пріасте и отъ Италійскаго Григорія и отъ инѣхъ учитель злочестивыя вашае вѣры, иже брады своя и усы постригаютъ; также и вы окаянніи творите» ²⁾.

По мѣрѣ постепеннаго уничтоженія самостоятельности Новгорода съ его пригородами и подчиненія ихъ Московскому государству, непріязненныя отношенія Новгородцевъ къ иностранцамъ стали замѣняться такими же отношеніями ихъ къ Московскому государству. Можно даже сказать, что съ этого времени Новгородцы миролюбивѣе стали относиться къ западнымъ иновѣрцамъ,

¹⁾ Истор. Россіи, Соловьева, т. IV, стр. 357—8.

²⁾ Рукоп. Кіев. Акад., № О. 1/2. 32.

чѣмъ къ единовѣрнымъ православнымъ москвичамъ; потому что, 1) съ подчиненіемъ Москвѣ, распадавшійся Новгородъ избавился отъ нападений и притязаній западныхъ сосѣдей, забылъ объ ихъ несправедливостяхъ и всю вину своего распаденья слагалъ на Москву; 2) на западѣ возникалъ уже тогда духъ свободомыслія и протеста, который болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ настроенію Новгородцевъ, недовольныхъ подчиненіемъ Москвѣ, и выразился у нихъ цѣлымъ рядомъ ересей рачіоналистическаго характера.

Первая по времени изъ ересей, именно ересь стригольниковъ, основанная еще въ XIV в. въ Псковѣ, отвергала всякую іерархію и учила, что приносить покаяніе должно не предъ священниками, а передъ Богомъ, въ сокрушеніи сердца повергаясь на землю, выбирать себѣ учителей изъ своей среды единственно по ея приговору, принимать крещеніе и причащеніе отъ лицъ нарукоположенныхъ, и отвергала не только приношенія за умершихъ, но и молитвы о нихъ. Сначала эта ересь имѣла мѣстный характеръ и выражала протестъ Псковичей противъ Новгородскихъ владыкъ, долгое время управлявшихъ Псковскою епархією ¹⁾; но скоро она перешла въ Новгородъ, принявшій его тѣмъ охотнѣе, что Новгородцы не разъ возставали противъ митрополичьяго суда, которому должны были подчиняться всѣ епископы. Гораздо важнѣе ереси стригольниковъ, и по характеру ученія, и по силѣ вліянія, была другая такъ называемая жидовская ересь, основанная жидомъ Схаріей, членомъ или главой религіознаго литовскаго общества, пріѣхавшимъ въ 1471 году въ Новгородъ съ братомъ Киевскаго князя Михайломъ Олельковичемъ. Еретики отвергали таинство св. Троицы, божество Іисуса Христа, необходимость искупленія, евхаристію, почитаніе святыхъ, поклоненіе кресгу и иконамъ, посты, монашество. Вліяніе, произведенное ими въ Новгородъ и Москвѣ,

¹⁾ Истор. русской слов., Галахова, т. I, стр. 93.

по мнѣнію г. Галахова, надобно объяснять духомъ свободомыслія, реформы, протеста, который возникъ въ Польшѣ и на Волыни до появленія Лютера ¹⁾, и который,—замѣтимъ отъ себя, согласовался съ тогдашними. обстоятельствами и настроеніемъ Новгородцевъ. Для поддержанія своей ереси жидовствующіе пользовались, какъ видно, и западными сочиненіями. Такъ напр. у нихъ была книга, подъ заглавіемъ. «Сильвестръ папа римскій», послужившая поводомъ къ появленію у насъ въ Россіи повѣсти о Новгородскомъ бѣломъ клубукѣ. Новгородскій архіепископъ Геннадій. провѣряя источники вѣроученія еретиковъ, всюду искалъ свѣдѣній о папѣ Сильвестрѣ и письмомъ своимъ спрашивалъ Юасафа, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго: «да есть ли у васъ въ Кирилловѣ, или въ Фарафоновѣ, или на Каменномъ книги Силивестръ папа римскы и проч., занежъ тѣ книги у еретиковъ веѣ есть». Вѣроятно, плодомъ его изысканій и была находка сочиненія, явившагося впоследствии подъ именемъ повѣсти о Новгородскомъ бѣломъ клубукѣ. Въ основѣ ея лежитъ подложная грамота Константина Великаго папѣ Сильвестру, весьма распространенная на западѣ Европы и слѣдовательно заимствованная съ запада. Димитрій Толмачъ, упоминаемый въ повѣсти, дѣйствительно былъ въ Римѣ и имѣлъ нѣкоторыя порученія отъ Геннадія. Онъ могъ отыскать и привезть Геннадію помянутую грамоту или житіе и заимствовать ее изъ какого либо римскаго источника, какъ и дѣйствительно въ заглавіи нѣкоторыхъ списковъ повѣсти о бѣломъ клубукѣ значится, что она заимствована «отъ исторіи римскія». Но впоследствии и эта повѣсть имѣла въ виду найти историческое оправданіе домогательствамъ Новгородскихъ епископовъ на независимость отъ митрополита и явилась послѣ паденія Новгородской вольности, которую пережило это стремленіе къ іерархической независимости ²⁾. Повѣсть эта приурочивалась даже къ основанію

¹⁾ Тамъ же, стр. 95—96.

²⁾ Труды Киев. д. Акад., 1863 г., т. IV, стр. 493 и слѣд.

нѣкоторыхъ монастырей, съ цѣлію утвердить ихъ права и преимуществъ. Такъ на примѣръ въ рукописной «повѣсти о Муромскомъ островѣ» рассказывается, что Успенскій Муромскій монастырь основанъ былъ «Инокомъ Лазаремъ, римскія области монастыря Высокогорского постриженникомъ», который былъ «посланъ Василиемъ епископомъ Царяграда его повѣсть сказати епископу Василию, иже великаго Новаграда кормила правящу, о бѣломъ клобукѣ» ¹⁾).

Представители жидовской ереси были казнены; но они нашли преемниковъ себѣ въ Башкинѣ, Феодосіѣ Косомѣ, Артеміѣ и др. Обвиненія противъ нихъ формулированы были въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) они не признаютъ Иисуса Христа равнымъ Богу Отцу, а нѣкоторые и другихъ поучаютъ на это нечестіе; 2) тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ; 3) святую соборную, апостольскую церковь отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церковь, а эти созданныя—ничто; 4) изображенія Христа Богоматери и всѣхъ святыхъ называютъ идолами; 5) покаяніе ни во что полагаютъ, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; 6) отеческія преданія и житія святыхъ баснословіемъ называютъ; на семь вселенскихъ соборовъ гордость возлагаютъ, говоря: все это они для себя писали, чтобъ имъ всемъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ, однимъ словомъ все священное писаніе баснословіемъ называютъ, апостолъ же и евангеліе неправильно излагаютъ. Кромѣ того Башкинъ вооружался противъ различнаго рода кабалъ. «Мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею называетъ, а у насъ на иныхъ кабалы, на иныхъ бѣглыя, на иныхъ нарядныя, на иныхъ полныя грамоты. Я благодарю Бога: у меня, что было кабалъ полныхъ, всѣ изодралъ и держу людей своихъ добровольно: хорошо ему и

¹⁾ Рукоп. Кіев. Акад. О. № 63, л. 72—79.

онъ живетъ, а нехорошо—идеть куда хочетъ». Мысль, нашедшая себѣ сочувствіе въ знаменитомъ попѣ Сильвестрѣ, который въ своемъ домостроѣ говоритъ: «рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ. И всѣ эти рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, и молятъ за насъ Бога, и добра хотятъ намъ всегда. Теперь домочадцы наши всѣ свободные живутъ у насъ по своей волѣ» ¹⁾.

Подъ какимъ вліяніемъ возникло это ученіе Башкина и его приверженцевъ, это видно какъ изъ самаго характера его, отличающагося протестантскимъ духомъ,—такъ и изъ внѣшнихъ связей и сношеній еретиковъ. Такъ напримѣръ Артемія обвиняли въ томъ, что онъ еретиковъ Новгородскихъ не проклиналъ, латынь хвалилъ, изъ Псковскаго печерскаго монастыря ѣздилъ въ Новый городокъ нѣмецкій (Нейгаузь) и тамъ вѣру нѣмецкую восхвалялъ. Θεодосій Косой и какой-то Игнатій бѣжали изъ заключенія въ Литву, женились тамъ и примкнули къ протестантизму ²⁾.

Что всѣ эти ереси, имѣвшія своимъ исходнымъ пунктомъ Новгородскую область и обязанныя въ значительной мѣрѣ вліянію запада, были протестомъ распадавшагося Новгорода противъ усиливавшейся все болѣе и болѣе Москвы, это подтверждается и сопоставленіемъ этихъ ересей съ такими литературными произведеніями Новгорода и его пригородовъ, въ которыхъ уже прямо выражается протестъ противъ Москвы и ея государей. Эта литература развивалась параллельно съ развитіемъ ересей и особенно усилилась при Іоаннѣ Грозномъ. Укажемъ нѣкоторые примѣры. Въ стихѣ о голубиной книгѣ описывается встрѣча кривды съ правдою и борьба ихъ:

Кривда правду переспорила.

Правда пошла на небеса

¹⁾ Истор. Россіи, Соловьева, т. VII, 124—126 и 225.

²⁾ Тамъ же, стр. 127—129.

Къ самому Христу царю небесному.
 А кривда пошла у насъ по всей землѣ,
 По всей землѣ по свѣтъ-русской,
 По всему народу христіанскому.
 Отъ кривды земля всколебалася.
 Отъ того народъ весь возмущается;
 Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
 Неправильный сталъ, злопамятный:
 Они другъ-друга обмануть хотятъ,
 Другъ друга поѣсть хотятъ ¹⁾).

Такимъ же образомъ Псковскій лѣтописецъ жалуется на первыхъ намѣстниковъ Московскихъ: у намѣстниковъ, говоритъ онъ,—у тиуновъ ихъ и дьяковъ *правда, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, а кривда начала между ними ходить*; были они немилостивы къ Псковичамъ, а Псковичи бѣдные не знали суда Московскаго; намѣстника пригородные торговали пригорожанами, продавали ихъ великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ; приставы намѣстничьи начали брать отъ поруки по 10, 7 и 5 рублей, а кто изъ Псковичей сошлется на уставную грамоту великаго князя, какъ тамъ опредѣлено, почему брать съ поруки, того они убьютъ; отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, бросивши женъ и дѣтей; иностранцы, жившіе во Псковѣ, и тѣ разошлись въ свои земли, одни Псковичи остались, потому что земля не разступится, а вверхъ не взлетѣтъ ²⁾).

Составитель повѣсти о созданіи и о взятіи Цареграда говорить, что Греки утѣшаются нынѣ благовѣрнымъ и вольнымъ царствомъ и царемъ Русскимъ; но въ то же время замѣчаетъ, что и въ Русскомъ царствѣ мало правды, съ паденіемъ которой упало

¹⁾ Исторія русск. словесн., Галахова, т. I, стр. 236—7.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. V, стр. 343.

царство Греческое. Онъ приводитъ слѣдующее сужденіе о русскихъ, слышанное имъ будто бы отъ какого-то латинянина: «велика милость Божія на землѣ ихъ; но если бы къ той вѣрѣ христіанской да правда турецкая была, съ ними бы ангелы бесѣдовали» ¹⁾.

Но особеннымъ предметомъ протестующей, обличительной литературы былъ Іоаннъ Грозный. Въ Псковской лѣтописи, подъ 1570 годомъ, находимъ интересное свидѣтельство, что Иванъ Грозный, по возвращеніи изъ Ливонскаго похода, приблизилъ къ себѣ «Нѣмчина лютаго волхва, нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ». Это былъ медикъ Бомелій, родомъ Голландецъ. Онъ навелъ на царя страхование, «на русскихъ людей возложи царю свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи». Это вліяніе иноземца лѣтописецъ объясняетъ такъ: «узнали безбожные нѣмцы посредствомъ гаданій, что быть имъ отъ Русскаго государя разореннымъ до конца, и того ради прислали къ нему такого злаго еретика, понеже рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе» ²⁾. Въ томъ же духѣ составлена была повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа, изображающая одного правовѣрнаго и боголюбиваго царя, который сначала строго исполнялъ заповѣди Божіи, любилъ судъ и правду и одерживалъ побѣды надъ врагами, но потомъ, подчинившись вліянію злаго чародѣя, воздвигъ гоненіе на своихъ подданныхъ и оскорбилъ ихъ разными печалями. Тогда многіе города противъ него возмутились, и только искреннее раскаяніе царя спасло его отъ враговъ. Подъ царемъ, очевидно, разумѣется Грозный, а подъ злымъ чародѣемъ, вѣроятно, медикъ голландецъ Бомелій, котораго Грозный, боявшійся чародѣйства, держалъ у себя въ особенной милости, надѣясь что онъ своимъ искусствомъ спасетъ его отъ пагубныхъ

¹⁾ Истор. русской слов., Порфиріева, 1870 г., т. I, стр. 389—390.

²⁾ Поэтич. воззр. славянъ на природу, Аванасьева, т. III, стр. 628.

вліяній чародѣйства ¹⁾. Въ Новгородѣ доселѣ рассказывается объ Іоаннѣ Грозномъ нѣчто подобное тому, что рассказывается на западѣ о Ѳеодорихѣ, казнившемъ своего вѣрнаго слугу Симмаха и мудраго Боеція. По этому рассказу, въ тотъ день, какъ Іоаннъ Грозный потопилъ въ Волховѣ безчисленное множество народу, пришелъ къ митрополиту обѣдать. Митрополитъ поставилъ на столъ рѣдку, а царю кажется голова кобылья.—«Чѣмъ ты меня подчуешь, митрополитъ? говоритъ царь, «теперь постъ, а ты поставилъ мясо, да еще какое—кобылью голову, что ѣсть и въ скоромный день—большой грѣхъ!» Митрополитъ усмѣхнулся и говоритъ: «ѣсть кобылью голову—грѣхъ, а народъ губить—святое дѣло!» Благословилъ митрополитъ рѣдку, царю и показалась рѣдка рѣдкою.

Трудно опредѣлить, какъ далеко простирается въ русской исторіи этотъ протестъ Новгородцевъ и Псковичей противъ Московской іерархіи и Московскаго правительства. Но можно думать, что ему отчасти обязана своимъ происхожденіемъ значительная доля раскола. Мы знаемъ, напримѣръ, что нѣкоторые вопросы, какъ то о хожденіи посолонъ, о сугубомъ аллилуіа, сильно интересующіе раскольниковъ, очень рано возбуждены были въ Новгородской и Псковской области и, можетъ быть, рѣшались на основаніи западныхъ источниковъ. Такъ напримѣръ при Іоаннѣ III Геннадій Новгородскій искалъ на западѣ рѣшенія вопроса о томъ, двоить, или троить аллилуіа ²⁾. Уваженіе къ бородѣ, составляющее одинъ изъ важныхъ пунктовъ расколическаго ученія, также могло развиваться только на окраинахъ Россіи, входившихъ въ соприкосновеніе съ иностранцами, и, между прочимъ, въ Новгородской области. Магнусъ Ерихсонъ, предпринявъ крестовый походъ на Русь, всѣмъ попавшимся въ его руки русскимъ велѣлъ стричь

¹⁾ Истор. русской слов., Галахова, т. I, стр. 175—6; истор. русской слов., Порфиріева, т. I, стр. 435.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева, т. VII, стр. 121—2.

бороды и потомъ перекрещивать ихъ въ латинство ¹⁾, какъ будто бы борода составляла отличительный признакъ православія и мѣшала принятію латинства! Въ свою очередь и русскіе, какъ мы уже видѣли, обличали Ливонцевъ въ неправовѣріи тѣмъ, что они «брады своя и усы постригаютъ». Извѣстная повѣсть о бѣломъ клобукѣ, заимствованная Новгородцами съ запада, пользуется у раскольниковъ большимъ уваженіемъ и служить у нихъ средствомъ къ обличенію русской церкви въ мнимомъ отступленіи отъ православія и мнимой порчѣ богослужебныхъ славянскихъ книгъ. Но особенно замѣчается параллель между древними новгородскими ересями и безпоповщинской сектой раскола. Она особенно развилась въ предѣлахъ прежняго Новгорода и сходится съ древними ересями въ томъ, что отрицаетъ церковную іерархію и предоставляетъ совершеніе таинствъ мірянамъ. Между безпоповцами есть такіе даже толки, которые ведутъ свое преемство прямо отъ древнихъ Новгородскихъ еретиковъ.

Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Тамъ же, т. III, стр. 310.